

БИБЛИОТЕКА
ТЕШЕСТВИИ
И
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Н. ЧЕРНЫШЕВ

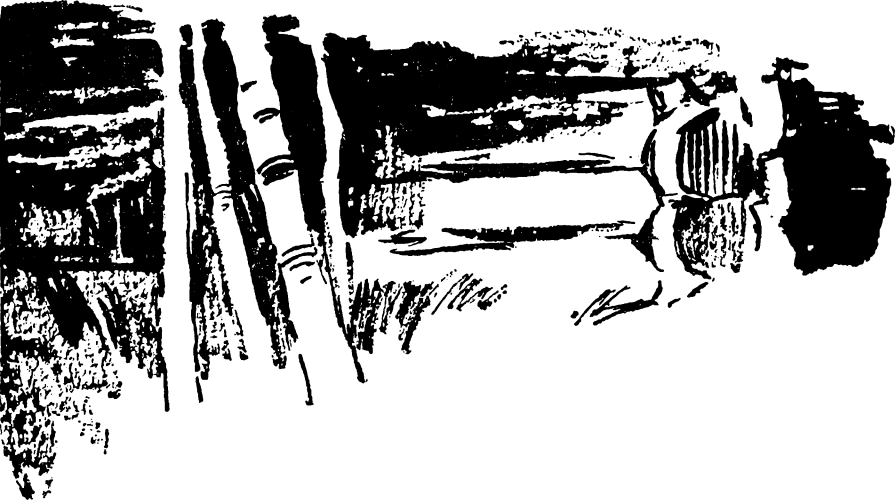
НАХОДКА БЕГЛОГО РУДОКОПА

Выпуск 9

Пермское книжное издательство
Пермь-1961

Н. ЧЕРНЫШЕВ

НАХОДКА БЕГЛОГО РУДОКОПА

Почти полтора столетия назад на Прикамской земле был открыт неизвестный минерал — зеленый камень. Прошло много лет, прежде чем этот удивительный минерал, названный волконскоитом, стал применяться для изготовления высококачественной художественной краски.

Долгое время считалось, что открыли волконскоит иностранные специалисты. И только в советское время удалось установить, что честь этого открытия принадлежит русским людям.

Истории открытия волконскоита, истории запутанной и драматичной, посвящает свою книгу Н. И. Чернышев.

Николай Исакович Чернышев родился в 1924 году. В годы Великой Отечественной войны служил в армии, воевал. После войны закончил геологический факультет Пермского университета, на котором работает сейчас старшим преподавателем кафедры поисков и разведки месторождений полезных ископаемых. Свою первую книгу — «Западная» — издал в 1959 году в серии «Библиотека путешествий и приключений», выпускаемой Пермским книжным издательством.

Художник Ю. К. Лихачев

ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ

У главного геолога разведочного треста Ухтинского собиралось совещание. Сам Петр Михайлович сидел за большим столом, поставленным в углу у окна. Было ему уже за пятьдесят. Невысокого роста, с крупными и несколько грубоватыми чертами лица, он казался всегда сердитым и раздраженным. И хвалил и отчитывал он одним и тем же ровным гудящим голосом. За глаза его звали Громобоем.

Сбоку за столом Ухтинского сидел какой-то приезжий человек с явно негеологической наружностью — в длинной синей бархатной блузе и с богатой каштановой шевелюрой. Он о чем-то тихо разговаривал с Петром Михайловичем и временами раскатисто смеялся.

Собралось человек двадцать. Ухтинский раза три тихо стукнул торцом карандаша по столу. Присутствующие притихли. Главный геолог начал совещание.

— Встает вопрос о дальнейших поисковых работах на волконскоит. Работающая уже второй год партия Мерзлякова ничего не дала. Предприятия, изготавливающие краски, — при этих словах Ухтинский показал на человека в блузе, — настаивают на расширении и продолжении поисковых работ. О сути дела вы все были предупреждены три дня назад. Прошу высказывать мнения. Вам первое слово, Мерзляков.

У книжного шкафа встал высокий и худой геолог, одетый в черный френч и серые галифе. Повернув лицо с плохо пробритыми щеками к окну и закусив нижнюю губу, он долго молчал, пытаясь, видимо, собраться с мыслями. Было видно — он не рассчитывал, что его вызовут первым.

— Что же, товарищи, я могу сказать? — начал наконец Мерзляков. — Участок оказался исключительно бедным. Ведь это же смех — за весь период работ мы кое-как насобирали три килограмма волконскоита. У меня сложилось твердое мнение, что промышленных залежей волконскоита у нас в области нет. Считаю, что работы нужно прекратить.

— Все? — прогудел Ухтинский. — Садитесь. Кто желает еще?

Слово взял горный инженер Орлов. Перед тем как начать говорить, он зажал в кулак клинообразную бородку и кашлянул.

— Э-э, дорогие коллеги. Мис, э-э, кажется, что зря мы тут ломаем копыя. Я согласен с только что выступавшим товарищем. Волконсконт это минералогическая редкость и дай бог снабдить им хотя бы некоторые, я, э-э, подчеркиваю — некоторые, а не все наши музеи.

Он победоносно оглядел всех присутствующих, кашлянул и уселся на место. Наступила минутная тишина. Незнакомый гость сидел, далеко откинувшись назад, и неслышно барабанил пальцами по зеленому сукну стола.

— Что ж, Климентий Яковлевич, может быть, вы скажете пару слов? — обратился Ухтинский к нему и тут же представил:

— Ленинградский художник Петров.

— Дорогие товарищи, разведчики недр! Я уполномочен представлять на вашем совещании не только художников, но и фабрики художественных красок. Проблема изготовления высококачественной краски из волконсконта заводскими лабораториями полностью решена. Дело остается за немногим — нужно обеспечить фабрики достаточным количеством сырья. И то, что пришлось сегодня услышать, не может нас радовать.

Несколько лет тому назад археологи, работавшие в верховьях Камы, при раскопках стоянки древнего человека нашли довольно большое количество глиняных черепков, украшенных разноцветным орнаментом. Удивительно было то, что изображения очень хорошо сохранились. Секрет долговечности орнамента заключается в том, что он

покрывался прозрачной зеленью, которая и предохранила от окисления даже самые неустойчивые краски. Археологи обратились за консультацией к нам, художникам. Но сколько мы ни ломали головы, так и не могли выяснить состав необычной краски. Загадку разгадал инженер одного из наших заводов — Иван Иванович Волокитин. Родом он из Златоуста и когда-то окончил там горное училище. Он вспомнил о зеленом камне-волконскоите, образцы которого имелись в музее горного училища. Волокитин съездил в Златоуст, посетил другие уральские музеи. Ему удалось собрать несколько килограммов волконскоита. Первая же опытная заводская партия волконскоитовой краски превзошла все ожидания. Свойства ее полностью совпадают со свойствами краски, состав которой не могли установить археологи. Новая краска действительно была очень стойкой и обладала прозрачностью при нанесении на грунт или, как мы говорим, лессировочностью. Кроме того, она оказалась единственной в палитре других зеленых химических красок, она дает темно-зеленый насыщенный цвет с чистыми тонами.

Археологи считают, что наши предки обладали значительными запасами волконскоита. Первобытные люди, как видите, смогли обеспечить себя сырьем. Обидно будет, если мы так и не сможем найти богатое месторождение этого минерала.

— А что если в древности эту краску доставляли на Каму откуда-нибудь издалека? — перебивая говорившего, спросил Орлов.

— Мне трудно судить об этом. Мне лишь хочется в заключение подчеркнуть: пославшие меня художники, рабочие и инженеры полны надежды,

что вам удастся все же отыскать волконсконт и снабдить им нашу промышленность.

Слово попросил сидевший у окна геолог Волошин. Этому рослому парню было не более двадцати пяти лет. Одну руку он сунул в карман выцветшего коричневого пиджака, в другой держал небольшой блокнот. Черные грубой шерсти брюки были заправлены в видавшие виды яловые сапоги. Черты лица молодого геолога свидетельствовали о настойчивом и волевом характере. Наиболее примечательным в его наружности были глаза — умные и слегка насмешливые. Этот человек славился прямою суждений: заметив какой-нибудь недостаток, без обиняков резал «правду матушку». Считался он одним из самых способных разведчиков, больше других интересовался специальной литературой, тратя на ее приобретение львиную долю заработка.

— Прежде всего я скажу, что Мерзляков и Орлов выступали совершенно неверно и, я бы сказал, наивно...

— Что это за новая форма полемики? — перебивая Волошина, громко спросил Орлов.

— Я сейчас поясню, — краснея и несколько повышая голос, ответил Волошин. — Мерзляков по доброй воле согласился возглавить партию на волконскоит, сам составлял проект работ. А это значит, что он обязан был как следует ознакомиться со всеми имеющимися материалами. Видно по всему — он этого не сделал. А при таком условии выступать так, как он здесь выступил, — это намеренно вводить в заблуждение присутствующих. Теперь о втором выступлении. Вы, товарищ Орлов, конечно, знаете, что все считают вас эрудированным

геологом. Это, я думаю, обязывает вас более осторожно, а не так категорично судить о тех вещах, в которых вы не так уж хорошо разбираетесь...

— Однако же... — начал было сердитым голосом Орлов.

— Прошу не мешать, — прогудел Ухтинский.

— Теперь о деле, — продолжал раскрасневшийся Волошин. — Мне довелось рыться в архивах горнозаводских предприятий Урала. В них часто встречались документы о волконскоите. Даже при предварительном знакомстве с этими документами создается впечатление, что Пермская земля богата волконскоитом. За это говорят, например, отчеты, составленные первооткрывателем минерала Волковым. Он утверждает, что при правильно поставленной разведке обязательно будут встречены крупные залежи волконскоита. Вы знаете, что мелкие прожилки его обнаружены во многих местах. На такой территории вполне можно встретить богатые месторождения.

Волошин подошел к столу и, глядя на Орлова, с жаром продолжал:

— Приходилось вам видеть образцы волконскоита в областном краеведческом музее? Обратите вы внимание на их размеры? Разглядывая эти увесистые «кусочки», никак не скажешь, что волконскоит — минералогическая редкость. Я согласен, что найти волконскоит — дело не простое, и совершенно ясно, что искать его так, как ищет Мерзляков, нельзя. Нужно прежде всего разобратся в закономерностях геологического строения тех районов, где встречается волконскоит. Бездумная же проходка многочисленных шурфов,

каждый из которых влетает государству в копеечку, ни к чему доброму не приведет...

— Рецепты прописывать легко, — бросил реплику Мерзляков.

Ухтинский недовольно поглядел на него, и тот заерзал на стуле. Волошин молчал. Видно было, что он пытается ухватить утерянную мысль, но ничего из этого не выходит. Наконец он махнул рукой и сел.

— Разрешите мне высказать предложение, Петр Михайлович? — повернулся в сторону главного геолога Орлов, и после утвердительного кивка Ухтинского продолжал: — Учитывая, э-э, настоятельные просьбы представителей красочной промышленности, я думаю, стоит продолжить работы на волконскоит, э-э, до конца полевого сезона. Это — первое. Было бы весьма полезным, э-э, назначить руководителем партии геолога Волошина. Я знаю, что он давно, э-э, болеет волконскоитом. Ему, как говорится, и карты в руки.

В наступившей тишине все ждали, что скажет Волошин, но он сидел и что-то писал в блокноте, держа его на колене. По всему было видно, что отвечать он не собирается.

Противоречивые чувства волновали в это время Андрея Волошина. Он страстно желал окунуться в поиски волконскоита. В то же время не хотелось отбивать эту работу от товарища, который и сам сможет справиться с ней, если возьмется как следует.

— Есть ли еще желающие выступать? — спросил Ухтинский и внимательно обвел присутствующих взглядом. — Нет? Подведу итог. Поисковые работы на волконскоит продолжим. При первых

же удовлетворительных результатах рассмотрим вопрос об увеличении штата партии и необходимых ей средств. Сейчас же пока оставим все без изменения, предоставив возможность партии пересмотреть методику работ и увеличить, насколько будет целесообразно, площадь исследования. Начальником Частинской партии с завтрашнего дня назначается Волошин.

В тот же вечер Волошин принял дела у Мерзлякова и на следующий день пароходом выехал в Частые. Андрей понимал всю серьезность поставленной перед ним задачи: во что бы то ни стало найти волконсконт. Немного успокаивала мысль о том, что в его распоряжении имеются сведения об этом минерале, которые он собрал в архивах.

Не знал еще Волошин, как противоречивы и путаны эти сведения. Не знал он и всей сложной, во многом трагичной истории, связанной с открытием волконскоита.

ПОБЕГ С РУДНИКА

Летним погожим днем 1830 года лесными тропинками, минуя дороги и селения, шел человек с небольшой котомкой за плечами. Он был одет в сильно поношенный зипун, на голове вышлась порывевшая островерхая суконная шляпа. Полосатые домо-

тканые штаны были заправлены в серые от пыли онучи, прикрученные крест-накрест лыковыми бечевками, державшими промадные стоптанные лапти. Лицо молодого путника обросло короткими рыжеватыми волосами. Из-под выгоревших бесцветных бровей светились угрюмые и усталые глаза. По незаурядному росту и широким плечам, на которые, видимо, с большим трудом натягивался кое-где распоровшийся зипун, можно было судить о молодецкой силе путника.

Дойдя до ручейка, вытекавшего из-под камней, он устало опустил на колени, стащил с головы шапку, обнажив целую копну не то курчавых, не то спутанных русых волос, и жадно прижал потрескавшимися губами к жгучей ключевой воде. На дне ручейка бурлил песок. Чистые песчинки, поднимаясь фонтаном и вновь опускаясь на дно, весело играли разными цветами. Поверхность воды непрерывно дрожала, и казалось — углубление в камнях наполнено крутым кипятком.

Напившись вволю, путник лег на спину, раскинул руки, зажмурил глаза и задумался.

Еще вчера он был рабочим небольшого медного рудника, находящегося километрах в двадцати к югу от Кнауфского медеплавильного завода. Звали его Егорка Рябой. Имел он и фамилию — Бормантов, но на руднике никто ее не знал.

Ясно представилось вчерашнее утро. Рабочих разбудил окрик десятника Вавилы. Егор сбросил с себя зипун, сел и сонно заморгал слипшимися от недосыпания глазами. Светало, но солнце еще не взошло. Листья и трава были покрыты

прозрачными слезинками росы. Невдалеке зияло устье шахты и виднелся ворот насоса, на котором Егор работал уже шестой месяц.

Глубокий рудник постоянно заливался обильно сочившейся откуда-то водой. Под землей было не-легко, но люди охотно шли в забойщики. Работа на вороте, который, упираясь в длинные почерневшие жерди, приводили в движение семь человек, считалась легче, однако в летнюю жару изнуряла до бесчувствия. Кроме того, кайловщикам за каждый день платили на полкопейки больше, а это было важно для рудокопов, так как большинство из них присылалось на шахтные работы за недоимки.

Егору опротивела подневольная собачья жизнь на руднике. Если бы все шло по справедливости, давно бы отпустили домой. Но не повезло Егору—не взлюбил парня десятник, от которого постоянно несло сивушным перегаром. Редкий день не штрафовал он Егора за какую-нибудь надуманную им же провинность.

Больно щемило сердце при воспоминании о привычной крестьянской жизни. Угнал его на шахту голова Чагинского приказа Кулаков. После смерти отца Егор остался старшим мужиком в семье. Хорошая земля Бормантовых давно приглянулась голове, и он всячески пытался прибрать ее к рукам. Долг Бормантовых был не так уж велик, но Кулаков высрал-таки Егора на дальние рудники. Вот уж сколько времени не доходит никаких вестей с родной сторонки. Как-то они там? Все чаще в голову приходили мысли о побеге. Наперед знал, что мало хорошего получится из этой затеи. А все же хотелось повидать своих...

Вокруг с руганью поднимались товарищи. Сви-репо чесались. Тела были изъедены соленым по-том и неугомонными шахтерскими вшами. Дед Никита, неунывающий балагур и насмешник, рас-чесывая скрюченными мозолистыми пальцами черную с проседью бороду, подтрунивал над полу-сонным парнем:

— Что, Егорушка, губами-то чмокаешь, али краля-заснобушка приснилась? А ты ляг, милый, прикорни еще малость, попрощайся с ней, как следоват.

— Да ну тебя, не до хаханек, — огрызнулся Егор.

Кое-как умывшись, взяв узелки, сели у давно потухшего костра, в котором с вечера в золу была зарыта картошка. Лениво выкапывали из мягкой серой трухи обгоревшие клубни и, посыпав круп-ной прязной солью, с хрустом жевали, запивая во-дой из стоявшего рядом деревянного ведра.

— Воротовщики, не мешкай! Чего рассиде-лись! — заорал из шалаша старый десятник Ва-вила.

Насос начинал работать на полчаса раньше, чтобы перед спуском кайловщиков поубавить в шахте воды. Кайловщики же во время утренней откачки рубили из привезенных жердей стойки для крепи, очищали площадку от набросанной вчера руды и пустой породы. Рабочий день, начинав-шийся в пять часов и длившийся до заката, был заполнен однообразной и изнурительной работой.

Егор кое-как дождался ночи. Никому не сказав ни слова, собрал скудные пожитки и пошел прямо через густой осиновый лес.

Остановился он только под утро. Присел у дерева и не заметил, как задремал. Открыв глаза, он увидел ветви высоких елей и бирюзовое безоблачное небо, такое яркое, что пришлось снова закрыть глаза.

Встав, он снова зашагал на запад. Вскоре Егор вышел на крутой берег. Сразу под обрывом, то прижимаясь к нему, то удаляясь, текла небольшая речка.

Справа за ней дымил медеплавильный завод, выше которого расстиралось голубое зеркало пруда. Вдали виднелись угоры, постепенно повышающиеся к горизонту. На самом дальнем стоял казавшийся крошечным белый дворец со сверкавшими под лучами заходящего солнца золотыми куполами. Егор догадался, что перед ним Белая гора с недавно построенным монастырем.

Спустившись с крутого обрывистого берега, юноша двинулся еле заметными лесными тропами в сторону Осы. Уже под вечер он решил выйти на тракт. Однако не успел пройти и одной версты, как услышал цоканье конских копыт. Беглец быстро метнулся в придорожные кусты. На горе, с которой спускался тракт, показалась большая карета, запряженная четверкой. Карета остановилась, кучер слез с высоких козел и направился к заднему колесу, — видимо, хотел заложить крюк за спицу, чтобы затормозить на спуске. В это время испуганные чем-то лошади сорвались с места и понеслись вниз. Дорога внизу резко поворачивала влево. Карета неминуемо должна была через несколько секунд вдребезги разбиться. Из ее окна слышался испуганный крик какого-то человека.

Егор твердо знал, что показываться перед людьми, едущими в богатой карете, ни в коем случае нельзя, и отодвинулся еще глубже в кусты. Но когда несущийся с шумом экипаж поравнялся с ним, какая-то непреодолимая сила заставила его быстро выскочить на дорогу и схватиться за волочившиеся сбоку вожжи. Егора так сильно дернуло, что он, сделав несколько шагов, упал и, не отпуская вожжей, потащился волоком. Лошади, пробежав еще немного, остановились. Из кареты выскочил высокий, широкоплечий и сутуловатый человек в расстегнутом камзоле. Из-под съехавшего набок парика виднелись короткие ярко-рыжие волосы. Он подбежал к Егору, который не знал, что ему делать — стоять ли на месте или немедленно бежать в зеленые заросли, и обнял парня длинными руками.

— Майн готт! Ты спасал нашу жизнь! Ду бист — ты ест... как это... молодец!

Людвиг Францевич Кеммерер год назад приехал в Россию из Померании. По протекции старшего брата, обер-берг аптекаря Августа Кеммерера, Людвиг Францевич устроился в департаменте уделов министерства императорского двора, ведавшем землями царской фамилии. Не блиставший у себя на родине умом и способностями, Людвиг Кеммерер был принят здесь как большой специалист по горному промыслу. Сейчас он сопровождал вице-президента департамента уделов Льва Александровича Перовского.

— Господин Лев Александрович, — обратился Кеммерер по-немецки к пассажиру, сидевшему в глубине кареты, — взгляните-ка на нашего спасителя. Какой богатырь!

В открытой дверце показалось бесстрастное холерное лицо Перовского. На нем была надета модная голубая шляпа.

— Будет вам, Людвиг Францевич. Дайте ему на чай да поедemте побыстрее.

Немец достал из кармана замшевый кошелек, высыпал на ладонь несколько монет и, выбрав из них одну, подал оторопевшему Егору.

Ямщик в это время успел подойти к карете. Немец быстро подскочил к нему сзади, выхватил кнут и несколько раз стегнул по чему попало. Ямщик даже не пытался закрыться от ударов, только наклонил набок обросшую черными волосами голову.

— Перестаньте, барин, до греха доведете, — глухо прохрипел возница и так сверкнул цыганскими глазами, что немец сразу съехался, пробормотал какое-то ругательство и полез в карету.

Экипаж тронулся, а Егор все еще оторопело стоял посреди дороги. Он дождался, когда карета скрылась за кустами, повернулся и медленно пошел в гору.

Перовский ехал в Пермь по служебным делам. Без особой охоты покинул он привычную столичную жизнь. Одно подбадривало — эта нелегкая поездка сулила большую личную выгоду. В Пермской губернии имелось много царских земель. В частных имениях уже давно и с немалой прибылью добывали медную и железную руду, выплавляли из нее металл. В последнее время руду обнаружили и на землях департамента уделов. Министром двора и непосредственным начальником Перовского был князь Волконский, под командованием которого

Перовский служил еще во время Отечественной войны 1812 года. Волконский покровительствовал бывшему однополчанину, поэтому Перовскому не стоило больших трудов получить его согласие на постройку в Пермской губернии медеплавильных заводов. Прежде всего нужно было создать Пермскую удельную контору. До сих пор здесь имелось только Пермское отделение, подчиненное Вятской удельной конторе. Для руководства постройкой заводов был нужен опытный в этих делах человек. У Перовского имелся в Екатеринбурге знакомый — крупный заводчик Яковлев (потомок известного откупщика Саввы Собакина). Перовский просил его подыскать надежного, знающего и способного человека. В одном из последних писем Яковлев сообщил:

«Для поручения устройства в дачах Пермского удельного имения заводов я имею в виду одного чиновника и именно господина обергиттенфервальтера¹ Александра Петровича Волкова, находящегося в ведомстве Пермского горного управления, человека, сколько сам могу я понимать, с достаточными сведениями для дела того и производства меди по самой практике... По предварительному объяснению моему с ним, то есть с Волковым, как находящимся ныне в Екатеринбурге, за счастье бы поставил служить под начальством вашего превосходительства; о чем и не угодно ли будет открыть ему ваши предположения...»

---

¹ Должностное лицо горного ведомства, занимающееся поисками полезных ископаемых.

Вскоре было получено согласие Волкова на переход в удельное ведомство. Уже меньше чем через месяц Волков сообщил Перовскому:

«Из дела же увидел: во-первых, что по Частинскому приказу найдены руды: медная в пяти местах, чугунная в трех местах... Послику в Частинском приказе сделаны только прииски и найдены признаки рудных мест, велено мною поиски усилить». Далее он подробно описывал найденные руды и в частности отмечал: «Некоторые из принесенных крестьянами кусков заключают хорошего содержания медную руду. Почему точно таким же образом записал все сии куски в книгу, поручив приказу принимать оные от крестьян и записывать их по данной форме и хранить в приказе».

Перовский мало верил в выгодность затеваемого им самим предприятия. Но оно давало возможность иметь дело с крупными денежными суммами, и он мог без особого риска задерживать определенную часть капитала у себя в кармане. Сейчас он ехал осматривать новые прииски, чтобы убедиться в возможности строительства медеплавильных заводов. Так как Перовский мало смыслил в горном деле и не был склонен обременять себя поездками, то повез с собой Людвига Кеммера, согласившегося работать в Пермской удельной конторе заместителем управляющего.

Голова длинноногого спутника вице-президента также была набита тайными и далеко идущими планами. Кеммерер рассчитывал присмотреть богатый рудой участок земли и, выдав его за обычный, купить за бесценок, построить вначале небольшой заводик, а потом постепенно расширить дело. Он пригласит из Померании оставшихся там братьев,

и общими силами они в короткий срок сумеют обогнать всех местных промышленников...

Прибыв в Пермь, Перовский послал Волкова с Кеммерером объехать все выявленные месторождения и посетить частные заводы, чтобы на месте оценить обстановку. Сам он намеревался провести время значительно веселее в Перми.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

После нескольких дней пути Егор наконец вышел к Частым. Старик-рыбак перевез его на лодке на правый берег Камы, где стояло село. От Частых до родной деревни нужно было пройти еще верст пятнадцать по речке Частой и се приходу. Не заглядывая в село и не показываясь на глаза людям, он шел без дороги напрямик. Минувая густой лес, Егор вышел на громадную поляну. На краю поляны у деревьев стоял шалаш, около которого паслась стреноженная худая лошадь.

Защемило сердце. Сразу сообразил парень, что находится на пашне односельчанина деда Митрофана. Не раз приезжал сюда за сеном или снопами, а то и просто за ягодами и грибами. Вон на меже стоит знакомая развесистая черемуха, ягодами

которой он лакомился. А вот дорога, уходящая в лес. Там под густыми кронами сосен и берез в углублениях колеи всегда можно найти дождевую воду...

Егор тихо подошел к шалашу и прислушался. Из шалаша доносилось тихое похрапывание. Егор поднял полог, которым был завешан вход. Пахнуло прелым сеном, дегтем и овчинами. Справа, занимая более половины шалаша, находилась лежанка, на которой вниз лицом спал человек. Приглядевшись внимательнее, Егор узнал деда Митрофана.

Егор приблизился к спящему и легонько тронул его за плечо. Старик ворчливо спросил:

— Кого лешак принес?

— Я это, дедушка Митрофан, — с трудом проглотив подкатившийся к горлу комок, тихо проговорил вошедший.

Дед откинул дверной полог и, повернув парня лицом к свету, удивленно проговорил:

— Да жеужто Егорка? Ах ты, страдалец мой! Ты пошто улег-то, бесталаный? Про тебя бумагу уже прислали, чтобы изловить и немедля на шахты спровадить. Умаялся, поди? Да ты присядь. Вот ведь незадача какая. — Дед усадил гостя на лежанку и начал рыться в мешке с продуктами. — Не емши, видно, отощал-то как.

Старик расстелил на лежанке небольшую тряпицу, положил краюху черного хлеба и две головки лука.

— Наши-то как живут? — отламывая кусок хлеба, тихо спросил Егор.

— Им-то что делается — живут... С тобой теперь как быть — ума не приложу. В деревню тебе казаться нельзя. Здесь тоже людно... Ну да ладно — ешь, придумаем что-нибудь. — Старик вынул

из-под лежанки литовку без рукоятки, вышел из шалаша, сел на чурбан, поставленный около пенька, в который была вбита небольшая четырехугольная наковальня, и стал отбивать литовку молотком, искоса поглядывая на парня.

Егор быстро съел все, собрал с тряпицы крошки, высыпал в рот. Потом встал, молча переkreстился. Хотелось подробнее узнать о своих, но почему-то было неловко — чувствовал себя виноватым перед всеми.

— Люует Кулаков против твоих-то. Болтают бабы, заграбастал вашу землю. Да брешут, может, — словно прочитав Егоровы мысли, сказал дед.

Егор отвернулся в темный угол и сидел молча.

— Придумал я, парень, где тебе схорониться. Ни в жисть не найдут! Пойдем-ка прямо сейчас, а то на грех принесет кого-нибудь. Овчину-то с лежанки прихвати, — командовал дед, забирая мешок с продуктами.

Шли напрямик, пересекая овраги и ручьи. Все время приходилось то спускаться под гору, то преодолевать крутые подъемы. Несмотря на свои восемьдесят пять лет, провожатый так резво шагал на коротких косолапых ногах, что Егор кое-как поспевал за ним. Сказывалась полуголодная жизнь на руднике.

Часа через полтора путники спустились в речную заросшую густым кустарником долину. По давно заброшенной дороге прошли версты две. Долина здесь заметно сузилась, обрывистые берега подступали почти к самой речке. Из-под сползшего по крутому склону толстого слоя почвы выглядывал серый сырой песчаник.

— А вот и твой терем, — сказал старик, махнув рукой в сторону наиболее обрывистого места.

Егор, сколько ни смотрел, не мог ничего заметить. Дед между тем свернул с дороги, подошел к густому кустарнику и, раздвинув его, скрылся. Егор, нагнувшись, увидел еле приметный через листву вход в какую-то нору.

Лет двадцать назад в селе строили церковь и в этом месте брали крепкий песчаный камень для фундамента. Старая каменоломня имела вид то узкого, то широкого коридора протяженностью около пяти и высотой немногим более сажени.

— Пока хватит, потом принесу еще, — сказал дед Митрофан, передавая Егору мешок с хлебом. — Повстречаю твоих — скажу про тебя. Костра не разводи и без дела на свет юса не суй. Ну, прощай, оставайся с богом.

Егор, подстелив овчину, сел неподалеку от входа и задумался. Никаких надежд на благополучный исход его злоключений не было. Попробуй покажись в деревне — сразу же богатые мужики схватят и препроводят к властям. А там... Если жив останешься, это еще хорошо. Но и здесь скрываться долго тоже не удастся. Придут на покосы и обнаружат беглеца...

После долгих раздумий решил сделать так: сегодня же ночью пробраться в деревню и повидаться с матерью, после этого захватить самое необходимое и уйти навсегда. Не раз слышал Егор рассказы о том, что в северной стороне, в непроходимых лесах живут люди, всю жизнь занимаясь охотой. Нет у них ни царя, ни попа — сами себе хозяева. У тамошних жителей наверняка можно найти приют. Решив так, Егор подложил под голову ме-

шок с провизней и сразу же заснул глубоким сном усталого человека.

Егор проспал всю ночь. Когда он проснулся, утренний свет уже струился сквозь мелкие кружева кустарника, прикрывающего вход. Егор лежал на спине, подложив руки под голову и с интересом наблюдал за солнечными зайчиками, играющими на стене. Светлые пятна меняли форму, медленно ползли по песчанику, исчезали, а затем вновь появлялись, уже в другом месте. Вот одно крупное пятно вырвало из мрака небольшой участок, на котором заблестели разноцветные кремневые гальки. В другом месте стала видна неровная трещина, идущая по стене. Но что это? Со стены вдруг весело засверкало ярко-зеленое пятно. Егор не успел сообразить, что это такое, а удивительная зелень уже пропала вместе с солнечным зайчиком. Но вот в другом месте показалась еще более яркая зелень. Егор быстро вскочил. Все освещенные участки на стене исчезли — он загородил собою вход. Тогда он присел, и песчаник вновь осветился. Но зелени уже не было видно.

Егор подошел к выходу и раздвинул заросли. Часть стены осветилась солнечными лучами. На серовато-желтом поле песчаника то там, то здесь отчетливо вырисовывались участки различной формы и размера, имеющие приятный зеленый цвет.

От радостихватило дух! Сомнений быть не могло — это медная руда. И какая богатая! Егор знал, что крупные месторождения меди стоят много. Владельцы рудников дают первооткрывателям медных залежей богатое вознаграждение.

Вынув из кармана большой складень с медной ручкой, на которой было выцарапано «Егор

Бормант», он наковырял полную ладонь зеленой породы и вышел на свет. Зеленая руда заметно отличалась от той, которую ему приходилось видеть на руднике, хотя также имела ярко-зеленый цвет. Егор знал, что своеобразная окраска медной руды является основным признаком при ее поисках. Никакой другой руды или породы такого чистого зеленого цвета в этих местах встретиться не может. Нет! Конечно же, это самая настоящая медная руда!

Почему же до сих пор никто не обращал внимания на медь в этой яме? Видимо, люди, работавшие в каменоломне, понятия не имели о медной руде. А что если набрать полмешка руды и пойти к голове Частинского приказа Ефрему Кулакову, рассказать о сокровище и предложить ему эту находку вместо оставшихся копеечных долгов? Вряд ли после такого подношения по-прежнему будет злиться Кулаков. Пуще всего на свете деньгу любит.

Высыпать из мешка все содержимое и наполнить его медной рудой было делом нетрудным. Забыв на радостях нож и дедову овчину, повеселевший Егор направился в село, где жил Ефрем Кулаков. Вначале, однако, он решил забежать к деду Митрофану. Хотелось рассказать все, а потом уж пойти и объявиться.

Старик косил недалеко от своего жилища под лесом. Увидев Егора, удивился:

— Ты что это, соколик, аль беда какая приключилась?

Узнав о Егоровом намерении пойти и добровольно отдаться властям, он сказал:

— И-и-и! Милай! Не резон ты придумал. Да разве простит тебя этот толстый народ? Руду твою, ежели она, конечно, и вправду денег стоит, он у тебя отберет да тебя же и засадит. Я так смотрю — не тешь ты нечистого понапрасну.

— Да мне терять-то нечего. А тут, может, вольным стану. Ну, а если не выйдет, что ж — не мое, видно, счастье.

— Какое там к лешему счастье. Ох, чувствую мое сердце — не будет добра, Егорка, — шастойчиво отговаривал старик.

— Спасибо тебе за все, дедушка. Не поминай лихом. Ежели что — то скажешь нашим про меня.

Егор взвалил мешок с рудой на плечи и зашагал в сторону села.

Справа из-за леса показалась мрачная, свинцово-синяя дождевая туча. Вот она коснулась солнца. Его лучи некоторое время еще пробивались через неровные разрывы, затем на сером фоне осталось лишь бледное пятно, но вскоре и оно исчезло. Ветер с каждой минутой усиливался, ветви и листва придорожных кустов и деревьев сильно шумели, а молодые березки, стоявшие на поле, гнулись к земле. Ветер упруго бил Егора в грудь, мешая ему идти. Редкие большие капли больно застучали по лицу.

В голове парня промелькнула тревожная мысль, что не к добру поднялась такая лихомань. От дождя пришлось укрыться в стогу свежего сена. Ненастная погода заметно испортила настроение. И все же, когда дождь перестал, Егор быстро зашагал в прежнем направлении.

К селу он подошел, когда солнце низко нависло над дальним лесом. С поля гнали многоголосое

стадо. Крестьяне, выходявшие встречать скотину, с любопытством смотрели на незнакомого путника, идущего посредине широкой улицы.

У ворот кулаковского дома стояло человек пять мужиков. Егор подошел к воротам как раз в тот момент, когда из калитки вышел краснолицый Ефрем Кулаков. Его пороссячи глаза остановились на стоявшем в стороне парне. Вначале он не узнал беглеца и перевел взор на других посетителей, но вдруг, как будто что-то вспомнив, быстро подскочил к Егору.

— Попался, каторжанин! — злорадно прохрипел Кулаков. — Эй! Мужички! Помогите заарестовать преступника!

Крестьяне окружили Егора, вырвали мешок с рудой. Кто-то услужливо снял с себя опояску и начал связывать ему руки.

Егор так растерялся, что не мог произнести ни слова. Когда опомнился, руки были крепко связаны.

— Ефрем Петрович! Как же так... Я по доброй воле... Руду принес...

— Я те покажу добрую волю, мазурик! Тащите, православные, его в амбар. — Кулаков подбежал к воротам и раскрыл их настежь.

— Ефрем Петрович! Я сам пойду, выслушай сперва, — кричал упирающийся парень.

Мужики продолжали волочить Егора к амбару, у дверей которого уже суетился Кулаков, снимая с петель восьмифунтовый замок и премя тяжелой перекладной.

— А ну, погода, мужики. Послушаем, что хорошего расскажет висельник. Говори, где руду нашел, да поторапливайся.

— На рекс... в верховье... в яме, где камень брали. Такая руда тыщи стоит. Я сам пришел к тебе, Ефрем Петрович. Отпусти, бога ради, ведь все там сколь руды-то, а в горе и того больше. Это я хорошо знаю... — торопливо говорил Егор, упираясь ногами в дверной порог амбара.

— Хватит! Искатель какой нашелся. Про эту яму я и без тебя давно знал. Невидаль какая. Сиди его! — иступленно заорал Ефрем, и лицо его, и без того красное, стало пунцовым.

Крестьяне с трудом пропихнули Егора в двери и так толкнули, что он во весь рост растянулся на деревянном полу амбара. Дверь захлопнулась, загремел замок.

При падении Егор сильно стукнулся головой и больно подвернул правую руку. С трудом сдерживая слезы, он подполз к стене и сел, навалившись спиной на гладкие бревна.

Старший сын Кулакова в это время неторопливо подошел к валявшемуся у ворот мешку и, не вынимая рук из карманов плисовых шаровар, стал небрежно тормошить его сапогом. Только увидев яркую зелень высыпавшихся из мешка камней, он наклонился, набрал пригоршню их и начал с любопытством рассматривать. Через некоторое время раздался его возглас:

— Батя, глянь-ко — взаправду руда!

Старый Кулаков был знаком с различными рудами, так как голове приказа в последнее время было дано указание принимать от крестьян образцы полезных ископаемых и записывать их в «Книгу камней и руд». Книга эта раза два уже рассматривалась представителем горного ведомства, приезжавшим из Перми. В частинской «Книге

камней и руд» имелось несколько записей о месторождениях медной и железной руды, известкового камня, алебаstra, кирпичной глины. Егорова находка оказалась как нельзя кстати: ведь скоро в село должны были прибыть представители вновь учрежденной Пермской удельной конторы. Однако руда, принесенная Егором, мало походила на то, что Ефрему приходилось видеть до сих пор. Обычно куски с медистой зеленью состояли из песчаника, а здесь песчинок совершенно не было, и цвет руда имела какой-то необычный. Кулаков все же решил, что перед ним самая настоящая медная руда.

Перед тем как внести в книгу новую запись, Кулаков позвал писаря, старого дядьку Афоню, и спросил его, где находится яма, из которой когда-то брали камень.

— Ям копанных в нашей округе, малых и великих, несчетное множество. У арестанта выпросить бы...

— Вот и иди, лиса кособокая, выпытай все, что надо.

Афоня сунул под мышку «Книгу камней и руд», взял со стола чернильницу и гусиное перо и мелкими шажками, как-то боком выбежал из дома. Рысью перебежав широкий двор и приблизившись к амбару, опустился на четвереньки у закрытой двери.

— Голубчик, чуешь ты меня? Записать велено про твою руду. Где бишь ты ее нашел? Начальству надоть про тебя доложить — там глядишь, бог милостив, и выпустят. Да и денег, я думаю, дадут... — елеиным голосом запел хитрый писарь. — Где, ты говоришь? Выше устья Галешного? Это

что ж, недалеко от Серегиных покосов? Вот спасибо, касатик. Попомни меня, не будут тебя долго в амбаре держать, — закончил Афоня и довольный побежал к начальнику.

Гости из Перми приехали в полдень, в двух небольших крытых тарантасах. Кулаков ждал приезда начальства по главной улице, идущей от тракта, а экипажи неожиданно появились из небольшого, заросшего крапивой и лопухами проулка. Наблюдатель, сидевший на крыше, увидел их лишь тогда, когда они подъехали к воротам. Ефрем в это время обувался. Новые праздничные сапоги никак не хотели налезать на ноги. Со злости он чертыхался и скрежетал зубами. Когда за воротами послышался топот копыт и стук колес, у самоуверенного и прозного Кулакова затряслись коленки. Почти не соображая, он выскочил на дорогу в одном сапоге, держа второй в руке.

Из тарантаса вылезли двое, оба высокого роста. Первым шел Людвиг Кеммерер. Обут он был в охотничьи сапоги. В прорези длинного зеленовато-серого камзола виднелись розовые штаны. На голове сидела широкополая коричневая шляпа. На боку болталась кожаная сумка для образцов. Задрав голову, он удивленно рассматривал конский череп, прибитый на шесте у забора.

Спутник Кеммерера, одетый в обычную летнюю форму должностного лица департамента уделов — серый сюртук с золотыми пуговицами, серые шаровары и невысокие сапоги, плотно обтягивающие икры, — держал в руках фуражку с блестящим козырьком и белым верхом. Ветер шевелил его

черные, слегка выющиеся волосы. Прямой нос, мужественный подбородок и довольно длинные тонко закрученные на концах усы делали его лицо благородным и привлекательным. К нему и обратился согнувшийся в низком поклоне Кулаков.

— Милости просим, господин управляющий! Пожалуйте в горницы на угощенье с устатку. Простите меня, подлого мужика, за непочтенный вид — проворопил благодетелей.

Приезжий, прищутив темные пронизательные глаза, с улыбкой наблюдал за приступом чиновничества. Видно было, что подобная картина ему не в диковинку. Это и был горный инженер Александр Петрович Волков, управляющий Пермской удельной конторой.

— Ты голова? — с напускной серьезностью, уставив палец на полусогнувшегося Кулакова, спросил Волков. Получив утвердительный ответ, продолжал: — Отдыхать у тебя не будем. Вынеси во двор, в тень, холодного молока, свежего хлеба и меду. Хмельного не надо.

Наскоро закусив, приезжие потребовали «Книгу руд и камней» и имеющиеся образцы. Волков просматривал записи, а Кеммерер, вооружившись увеличительным стеклом, изучал куски руды. Просмотрев книгу, Волков перебрал образцы и недовольно сказал:

— Хорошего мало. А где образцы последней записи?

— Сей момент, господин управляющий.

Голова принес мешок с породой и раскрыл его перед Волковым.

— А это что еще за диковинка? Людвиг Францевич, зеен зи битте, вас ист дас?

Кеммерер взял в руки большой зеленый кусок и через луну уставился на него, склонив голову набок.

— Их вайс ниht, вас ист дае, герр обергиттен-фервальтер, — после долгого раздумья и с явным смущением ответил патентованный заморский специалист.

— Такого до сих пор не видел, — сморщив лоб, сказал Волков. — Возможно, это какая-то редкая модификация соединения хрома или, быть может, простая глина, проникнутая хромиевым окисом, — в раздумье продолжал он по-немецки. — Мне кажется, из этой породы должна получиться отличнейшая краска. Смотрите, Вильгельм Францевич, какой чистый и красивый зеленый цвет, не правда ли?

— О! Да! Однако весьма сомнительно, что эта порода есть соединение хрома. Я досконально знаю все немецкие минералогические справочники, и ни в одном из них нет указаний на подобное вещество из хрома, — с важностью произнес Кеммерер.

— А если наши предположения все же оправдаются, не удастся ли нам пополнить немецкие минералогические справочники? — весело смеясь, проговорил Волков.

Кеммереру, однако, эта шутка не понравилась. Он был совершенно другого мнения о справочниках, составленных соотечественниками. Их полнота и непогрешимость никогда не вызвала у него и тени сомнений. Но он все же попытался ответить улыбкой на слова старшего по чину. Кеммерер не мог простить себе торопливость, с которой

признался Волкову в том, что злополучная порода для него совершенная повинка. Можно было ответить этому русскому осторожнее.

— Сделаем, Людвиг Францевич, так, как раньше условились. Я поеду на заводы, а вы с головой приказа посетите места основных находок руды. Что там нужно делать, не мне вас учить. Не возражаете?

— О, да! Я, конечно, согласен, — с напускной бодростью ответил Кеммерер.

— Особенно тщательно обследуйте месторождения диковинной породы. Да, я вижу, вы и сами заинтересовались этим чудом природы, — напутствовал Волков немца, когда они садились в разные тарантасы. Волков ехал с сопровождавшим его чиновником, а Кеммерер — с Кулаковым.

В пути Волков продолжал думать о необычной зеленой породе. Это новое вещество, интересное само по себе, говорило, как много неизвестных богатств скрыто еще в недрах России, которые непременно — в этом Волков не сомневался — в конце концов будут найдены и использованы на благо людей.

В тот же день Волков написал письмо Перовскому, в котором в частности говорилось:

«Головою Чагинского приказа представлена мне была за образцы медной руды затвердевшая глина, густо проникнутая раствором хромиева окиса. Сей продукт по отличному своему зеленому (травяно-зеленому) цвету может быть употребляем на краску, а потому полученные куски, подвергнув химическому испытанию и сделав опыт в техническом оных употреблении, о последствиях представлю благоуважению начальства...»

ХИТРОСТЬ ЛЮДВИГА КЕММЕРЕРА

Кеммерер молча развалился на сиденье тарантаса. Тучному Кулакову пришлось устроиться сбочку. Оставшись старшим, немец словно переродился. Он надулся как индюк, высоко задрал нос и медленно поворачивал его из стороны в сторону, обзревая местность. Временами он толкал кучера кулаком, чтобы тот остановил лошадей. Вылезая, Кеммерер норовил наступить коваными сапожниками на ноги своему спутнику.

Надо отдать должное, Кеммерер подолгу и внимательно осматривал не только те места, которые показывал Кулаков, но и все выходы коренных горных пород, встречавшиеся в пути.

До места, где Егор нашел «медную руду», оставалось верст пять. Дорога начала круто спускаться вниз к реке. Справа, почти у самого конца спуска возвышался кособор. Сверху он был красновато-коричневый, а внизу шла мощная толща серого песчаника. Кеммерер остановил экипаж и начал тщательно осматривать породы.

— О-о! Подойдите здесь, — позвал он Кулакова. Когда Кулаков приблизился, Кеммерер показал на небольшую зеленую жилку в песчанике, отороченную желтой железистой каемкой, и спросил: —

Этот место ты записаль в это... как это... бергбух — понимайт?

— Никак нет, ваше высокоблагородие. Это место не записано, — по-солдатски ответил Кулаков.

— Плохо смотрит свой земля, плохо хозяин, вся земля пропадайт... — ворчал Кеммерер, выковыривая из жилки такую же породу, какая была сегодняя утром показана Кулаковым.

Спустившись в долину и просхав по ней версты три, путники были вынуждены оставить тарантас и пойти пешком.

Слева в зарослях смородины и тальника, звонко журча на перекатах, текла небольшая речка. Кое-где на полянах трава была скошена и лежала рядками. Изредка попадались сметанные стога, придавленные пересохшими осиновыми жердями.

Кулаков долго не мог найти нужной ямы. Он бежал по кустам вдоль заросшего склона, вытирая рукавом пот, обильно струившийся с покрасневшего лица.

Кеммерер присел на поваленное бурей дерево, бормоча что-то на родном языке. Осматриваясь, немец обратил внимание на то, что крутые коренные берега речки близко подходят друг к другу. Немного же выше по речке долина становилась очень широкой. Приценивающийся ко всему, что попадало на глаза, Кеммерер сразу смекнул, что здесь можно было бы с малыми затратами построить плотину и поставить водяной двигатель.

Кулаков между тем продолжал шнырять в густых зарослях, проклиная все на свете. Прошел добрый час, прежде чем он нашел старую каменоломню.

— Ваше высокоблагородие, извольте осмотреть — никак оно самос, — позвал обрадованный долгожданной находкой Кулаков.

Кеммерер долго и обстоятельно осматривал месторождение необыкновенной зеленой охры. Для обследования темных уголков зажгли факел. Людвиг Францевич пришел в неописуемый восторг, метался от одного оруденелого участка к другому. Руки его тряслись от волнения. Он никак не ожидал, что зеленой породы может быть так много. Глубоко врезались в память слова Волкова о возможном использовании не известного доселе камня.

После тщательного трехчасового осмотра месторождения у Кеммерера, видимо, созрел какой-то план. Резко изменилось его отношение к попутчику. Он стал без умолку болтать, хлопая при этом собеседника по колену и по плечу. Хитроватый Кулаков смекнул, что здесь что-то неспроста.

Немец, безбожно коверкая русскую речь, распространялся о том, что в здешних местах можно быстро найти прибыльное дело, были бы только деньги. После этого он намекнул, что у него лично и его братьев имеется большой капитал. Они не раз уже помогали умным русским хозяевам. После такой подготовки комбинатор предложил Кулакову продать участок земли, где находилась залежь зеленой охры.

Кулаков знал, что продажа удельной земли за хорошую цену обычно никаких возражений со стороны начальства не встречала. Подобные операции практиковались довольно часто. На них наживалась не столько царская фамилия, сколько многочисленные чиновники. Но Кулаков справедливо

опасался, что Волков, знавший про эту проклятую зелень, испортит все дело.

Однако и на этот случай у Кеммерера имелось готовое предложение. Он доложит Волкову не про пещеру с богатой залежью, а про обрыв, встреченный по пути, где также имеются признаки орудения, хотя и бедные.

Сойдясь на предложенном Кеммерером плане действий, сообщники перешли к главной для обеих части дела — денежной. После долгих и жарких споров сошлись на сумме, устраивающей обе стороны.

Поздний вечер застал их в деревеньке, состоящей из нескольких покосившихся и почерневших от времени изб. В них была такая нищета и грязь, что спать решили на сеновале.

Кеммерер долго не мог заснуть. Он ворочался с боку на бок, сопел, вздыхал и даже временами не то мычал, не то стонал. Вслед за радужными мыслями подползли сомнения: а вдруг предположения Волкова не оправдаются, и эта зелень не будет пригодна ни к чему, кроме использования в качестве музейных экспонатов? В таком случае деньги пролетят в трубу... И где гарантия, что, пока он успеет пробить рудник, кто-нибудь из царских чиновников не проиохлает про зелень? Вскроется махинация с покупкой зарегистрированного месторождения... Что же предпринять? Может, взорвать вход в штольню... Но этим только привлечешь внимание. А что если...

Немец пополз к храпевшему в другом конце сеновала Кулакову.

— Слушай меня, — зашептал Кеммерер. — Я давай пох айи маль цвай хундерт — два сто

рублей — ду зольст строить плотина у этот штольня. Очень скоро строить — понимайт?

Кулаков долго спросонья не мог разобраться, в чем дело, и немец, злясь на бестолкового собеседника и брызгая слюной, старался вразумить его. Наконец до сознания Ефрема Кулакова дошла суть предложения.

Решено было, что в ближайшие же дни Ефрем наймет рабочих, которые начнут строить на реке плотину, причем начнут с левого берега, как раз над пещерой с залежью. Сделав насыпь до реки, Кулаков работы прекратит и будет ждать дальнейших указаний Кеммерера. О работах говорить, что на этом удобном месте решено поставить водяную мельницу. Залечь будет надежно погребена под мощной толщей земли. Кеммерер рассчитывал впоследствии использовать это сооружение для прокладки дороги через речку от тракта.

Уже три дня томился Егор в неволе. Правда, руки ему развязали, но из амбара не выпускали ни на минуту. Из разговоров людей, ходивших по двору, он знал, что Кулаков находится в отъезде. В первый же день ареста к дому Кулакова прибежала мать Егора и с причитаниями просилась повидаться с сыном, но Афоня с руганью прогнал ее со двора, страшая, что спустит бегавших на привязи сторожевых псов.

Узник всячески ругал себя за то, что не послушался деда Митрофана. Надо было той же ночью бежать отсюда подальше...

Перед обедом во дворе зашумели люди, закрипели тяжелые ворота, застучали колеса тарантаса.

Прильнув к щели между бревнами, Егор увидел господина, который третьего дня приезжал с немцем.

Вечером возвратились и Кулаков с Кеммерером.

Людвиг Францевич подошел к Волкову, который сидел на вынесенном под навес деревянном кресле, украшенном петухами, и покуривал трубку.

— Как ваши успехи, уважаемый Людвиг Францевич? — спросил после обмена приветствиями Волков. — Вы прежде всего расскажите, как ведет себя в естественном залегании зеленая охра. Садитесь, пожалуйста, — пригласил Волков Кеммерера, когда притащили еще одно кресло. — Вы знаете — я все это время размышлял об удивительном зеленом веществе и пришел к выводу, что мы на самом деле встретились с каким-то новым, доселе не известным минералом. Ну, ну, рассказывайте — я вам не даю говорить.

Кеммерер как-то странно сгорбился и долго беззвучно шевелил губами, не решаясь заговорить. Затем для чего-то поднес к глазам лорнет и начал сбивчиво отвечать.

— О! Это вирклих есть загадка природы. Наука получайт интересный факт. Абер я нет уверенности, что это не описывайт в какой-то дойтче минералогический книга...

— Конечно, осторожность ученому необходима, — перебил Волков. — Но что это с вами, Людвиг Францевич, — почему вы вдруг стали разговаривать со мной таким странным образом? На чистом немецком я вас понимаю куда лучше.

— О, простите, господин обергиттенфервальтер. Я привык так разговаривать со своим попутчиком, — с виноватой улыбкой объяснил Кеммерер. — С сожалением должен сообщить, — продолжал он

далес, — что указанная мне залежь так называемой зеленой охры из-за своей скудости вряд ли может иметь какое-то практическое значение. Как показывает поверхность обрыва, где встречена эта порода, нет абсолютно никакой надежды ожидать на глубине увеличения количества и размеров рудных скоплений. Мне удалось видеть прожилки зелени всего лишь в мизинец толщиной.

— Какой категоричный вывод! Где же ваша природная осторожность, Людвиг Францевич?

Волков взял из Егорова мешка, лежавшего под столом, один из зеленых кусков величиной с мужской кулак и показал его собеседнику.

— Смотрите, какая прелесть! Согласитесь, что получается явное недоразумение. Месторождение должно быть богатым.

Немец с растерянным видом глядел на кусок, зеленевший в руках Волкова. По природе Кеммерер не был находчив. В затруднительных случаях ему всегда требовалось некоторое время для обдумывания ответа. К счастью для него, Волков, залюбовавшись образцом, не глядел на собеседника.

— Может быть, здешний голова показал вам что-нибудь не то. У меня никакого доверия к нему нет. По всему видно — ловкач. А ну, подойди-ка сюда! — позвал Волков Кулакова.

Ефрем молодецкато одернул рубаху, перевязанную шелковым поясом и, по-солдатски выпятив грудь, подбежал к начальству.

— Чего изволите-с, ваше высокоблагородие?

— Эти камни найдены в том месте, что ты показал господину Кеммереру? Да только, смотри, не врать.

— Не извольте-с сомневаться, ваше высокоблагородие. Родной матерью клянусь, что их высокоблагородие, — Кулаков, не отрывая вытянутых по швам рук, кивнул на Кеммерера, — видели место, где эти камешки набраны, — одним духом выпалил Ефрем, глядя беспокойными глазами куда-то мимо Волкова. — Да развс мне резон врать.

— И все же, Людвиг Францевич, я не разделяю вашего скептического взгляда на перспективность обнаруженного месторождения. Уверен, что поблизости должны быть продолжения уже выбранной с поверхности богатой залежи. Не плохо бы там пробить несколько разведочных колодцев и штолен.

— Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось именно такое впечатление, — уже полностью оправившись и входя в обычную роль, ответил Кеммерер.

— Очень жалею, что мне не удалось посмотреть это место. А сейчас времени уже нет — надо возвращаться в Пермь. Но в ближайшем будущем надо послать сюда приисковый отряд, — поднимаясь с кресла, произнес Волков. — Хватит на сегодня. Пойдемте отдыхать, Людвиг Францевич.

Стоял тихий и прохладный вечер. Солнце, почти полностью скрывшееся за горизонтом, освещало крыши строений мягким розовым светом. Все кругом замолкло и успокоилось. Слышно было, как в стойле жует корова да лошадь на конюшне иногда стукнет копытом.

— Кто еще знает про яма с охрой? — шепотом спросил Кеммерер у Кулакова, как только шаги управляющего затихли где-то в большом доме.

— Руду отобрали у тутошнего жителя, сбежав-

шего с казенных рудников. Я его изловил и посадил под замок.

— Где он есть сидит? Мы должны пойти его спрашивать.

— Как вам будет угодно, — тихо ответил Кулаков и тут же позвал Афоню. — Приведи Прова с Агапом, а то как бы не убеж зверь-то.

Кулаков и Кеммерер подошли к амбару. Вскоре сюда же пришел и писарь в сопровождении двух дюжих мужиков. Открыли тяжелый замок, сняли железную перекладину. Первым в темное помещение вошел Кулаков, за ним опасливо последовал Кеммерер. Писарь с охраной остался у дверей снаружи.

Узник стоял в дальнем углу.

— Выйди, парень, на свет, — приказал Ефрем.

Егор сделал несколько шагов к двери, и скупой вечерний свет осветил его заросшее лицо с ввалившимися глазницами.

— Майн готт! Это ты спасала меня! — воскликнул удивленный немец.

Егор продолжал стоять молча.

— Ай-ай! Такой богатырь и бежал с нужный царю работ. Теперь я не могу тебе помогать — ты обидел наш батюшка-царь.

— Барин, я богатую руду отыскал. Ефрему Петровичу ее принес, а он меня в амбар. Долг наш совсем невелик, а руды-то там сколь... Помилосердствуйте, барин! Век буду помнить, сделайте милость...

— Ты нашел не медная руда, а простой зеленый камень. Он не стоит и полущка.

— Как же так... как не медная руда... смеетесь, барин...

— Кому ты еще сказала про зеленый камень?

— Никому больше не рассказывал. Сразу же побежал к Ефрему Петровичу, — совершенно искренне ответил Егор, забыв про разговор с дедом Митрофаном.

— Альзо, ты нашел пустой камень и надо его совсем забывать. Мне жаль тебя, но Кеммерер верный слуга русский царь. Тебя посылают арестантский рудник.

Когда Кеммерер и Кулаков начали выходить, Егора словно кипятком обожгло. Сжав кулаки, он рванулся из амбара. Подскочив к Ефрему, вцепился в обросшее рыжей щетиной мясистое горло и закричал:

— За что губите?! Изверги проклятые!

Два мужика и Афоня бросились на выручку. Кеммерер осторожно бочком отодвигался от клубка сплетенных тел. Отойдя на приличное расстояние, он быстро повернулся и, схватившись за полы длинного камзола, побежал к крыльцу.

Дерущиеся, пыхтя и ругаясь, катались в пыли. Мелькали ноги, руки, головы и оголившиеся потные спины. Трещали рубахи, глухо раздавались удары кулаками.

Кто-то схватил Егора за горло, и он, почувствовав, что пропадает, с утроенной силой начал отбиваться. Улучив момент, когда груды разгоряченных тел переваливалась, Егор рванулся в сторону. Свалив кулаком подскочившего к нему Агапа, парень стремглав бросился к забору, в один миг переметнулся через него, побежал по огороду к чернеющему недалеко густому лесу.

На следующий день Волков и Кеммерер отправились в Пермь. По дороге произошло небольшое, но неприятное происшествие.

Собираясь в путь, Волков приказал упаковать всю зеленую охру в прочный деревянный ящик и покрепче привязать его на задке кареты. На остановках он несколько раз лично проверял сохранность ценного груза. В последний день пути шел непрерывный дождь и путники совсем не выходили из экипажа. Когда же карета подкатила к дому и Волков, прыгнув на землю и разминая затекшие от долгого сидения ноги, невзначай взглянул на то место, где должен был стоять ящик, то, к неопишуемому удивлению, увидел лишь несколько исковерканных досок. На них не удалось найти ни одного мало-мальски крупного кусочка породы. Сохранилась лишь мелкая зеленая пыль.

Волков позвал Кеммерера, но и тот не мог дать объяснения случившемуся несчастью. Решили, что кто-то из баловства распотрошил на ходу ценную для них поклажу.

С трудом удалось набрать пробу для химического анализа. Пришлось использовать образцы, которые Волков вез с собой и собирался поместить в домашней коллекции. Пробу послали в Екатеринбург, в лабораторию.

У запасливого Людвиг Францевича во вместительной кожаной сумке лежало немало кусков зеленой охры, но он не предложил их Волкову. Оставив несколько хороших образцов, Кеммерер отправил остальное брату в Петербург, с просьбой посоветовать, как выгоднее использовать это вещество. О покупке земельного участка и задуманном

предприятии из осторожности не было написано ни слова.

Перовский все еще был занят празднествами в его честь у пермской знати и не имел времени для выслушивания скучных деловых докладов. Волков, воспользовавшись вынужденным перерывом, просмотрел всю литературу, имеющуюся в то время в Перми, и проделал химический анализ обнаруженной близ Частых породы. Под руками не было хорошего оборудования и чистых реактивов, точность анализа поэтому была невелика. Но все же удалось выяснить, что зеленая охра почти на одну четверть состоит из соединения хрома с кислородом. Волков окончательно убедился, что зеленое вещество является совершенно новым минералом.

Новый минерал земли Русской!

Но как назвать его? И сможет ли он, провинциальный горняк, сын бедного сельского учителя, позволить себе такую честь — дать название новому камню. При засилье в столичных учреждениях иностранных специалистов сунься туда попробуй, — моргнуть не успеешь, как и без тебя назовут. А имя такое придумают, что оно и отдаленно о России напоминать не будет.

И тут пришла мысль воспользоваться приближающимся пятидесятилетием министра двора князя Волконского. Он решил попробовать уговорить Перовского преподнести новый минерал именинику и испросить разрешение назвать его именем. Пример такого подарка уже был. В день сорокалетия князя ему было преподнесено описание острова, открытого Беллингаузеном в Тихом океане. И остров был назван именем Волконского.

После проведенных в веселом разгуле дней Перовскому нездоровилось. Он явно нехотя слушал Волкова. Ничего утешительного о возможности постройки медеплавильных заводов новый управляющий не сообщил. Руда на подавляющем большинстве выявленных месторождений не годилась для выплавки металла. Поэтому строить новые предприятия не было никакого смысла. Руду нескольких богатых месторождений можно с немалой выгодой продавать многочисленным частным заводам.

— Ну, вы меня вконец уморили, — зевнув, пробурчал Перовский, у которого к этому времени созрели уже другие планы жизни. — Я, между прочим, и раньше предполагал, что с расширением заводского дела в здешней округе вряд ли что получится... Ну, что у вас еще?

— Есть интересное предложение, господин вице-президент.

— Какое? Только давайте побыстрее, я сегодня устал.

Волков кратко изложил суть дела. В заключение он сообщил, что уже послал пробу нового вещества на анализ и что окончательное решение можно будет принять только после получения результатов анализа.

— Это великолепно! Ну, милейший, уважили! — сразу же преобразившись, заговорил Перовский. Вскочив, он положил пухлые руки на плечи Волкова и энергично продолжал:

— Я завтра еду в Петербург. Срочно шлите вслед анализы, образцы минерала и описание местонахождения.

Узнав, что образцов нового минерала не осталось, а описание производилось Кеммерером, Перовский предложил Волкову самому посетить месторождение.

На следующий же день Волков собрался в Частые. Перед отъездом он встретился с Кеммерером. Не считая нужным таиться, Волков подробно рассказал о беседе с Перовским и о мысли преподнести вновь открытый минерал князю в день его рождения.

Эта новость поразила Людвигу Францевича. Глаза его беспокойно забегали, узловатые пальцы рук затряслись. Он силился скрыть растерянность, но это плохо удавалось.

— Господин обергиттенфервальтер, ваш поступок опрометчив. Вряд ли подтвердится ваше предположение о том, что науке найденное нами вещество не известно. Я советую вам от чистого сердца — бросьте эту весьма рискованную затею... Господин вице-президент, наверно, еще не уехал, пойдите — откажитесь. Разрешите, наконец, мне объяснить все вице-президенту...

— Лев Александрович уже уехал в столицу, и наши разговоры на сей предмет — пустое времяпрепровождение, — теряя терпение, прервал собеседника Волков. — Прежде чем сделать свое предположение, я все взвесил и обдумал, господин Кеммерер.

— Но, господин обергиттенфервальтер, вы же знаете, что зеленое вещество, название которому вы хотите дать в честь столь высокопоставленного лица, находится в плачевно мизерном количестве...

— Я уверен, что недра наши хранят в себе до-

статочные количества этого вещества, — резким голосом произнес Волков.

Кеммерер втянул голову в плечи и замолчал.

Заметив, какое сильное действие произвели на собеседника последние слова, Волков уже примирительно проговорил:

— Не стоит, Людвиг Францевич, продолжать этот разговор. Вам меня не переубедить.

После отъезда Волкова в Частые Кеммерер не мог найти себе места. Неизбежная шумиха, связанная с преподнесением нового минерала министру двора, безусловно сильно увеличит интерес к этому ископаемому. На поиски крупных залежей будут отпущены значительные средства. Внимание многих людей будет привлечено к небольшому участку. В таких условиях, конечно, не будет никакой возможности воспользоваться приобретенной им землей. Брр... Может произойти и худшее: вскроют залежь, принадлежащую ему, Кеммереру, да к тому же узнают о жульнической сделке. Вот тогда-то — пропадай карьера. И ничего нельзя предпринять, ведь покупка земли еще не оформлена. Для этого нужно самому ехать в Петербург, а такой возможности еще долго не представится: Волков, конечно, сам повезет образцы и описание Перовскому...

При воспоминании о Волкове настроение еще больше испортилось. Откуда только спесь у него — ни знатности, ни капитала не имеет. Вот и сейчас: даже не посоветовавшись, сам поехал на место рождения. Добра от этого не жди...

Вечером, перелистывая страницы только что пришедшего «Горного журнала», Кеммерер вдруг

стукнул себя по лбу. Как не мог он раньше догадаться! Ну конечно — нужно сейчас же написать статью об открытии нового вещества и послать в какой-нибудь журнал. Секрет Волкова и Перовского будет раскрыт, и им ничего не останется делать, как отказаться от своих замыслов.

Самому, разумеется, писать статью ни в коем случае нельзя... Входить в столкновение с вице-президентом в планы Людвига Францевича не входило. Кто же может помочь? И он вспомнил о советнике Пермского горного правления Лунарском Втором, с которым уже успел познакомиться. Общеизвестна была страсть этого человека писать статьи в газеты и журналы... От удовольствия Кеммерер потер руки.

На следующее же утро Людвиг Францевич направился к Лунарскому Второму. Веселый и добродушный хозяин встретил гостя с распростертыми объятьями. Улыбка не сходила с его розового лица, наполовину прикрытого бакенбардами.

Кеммерер рассказал о только что найденном и никому не известном камне. При этом он вскользь намекнул, что об этом интересном событии следовало бы оповестить читающую Россию, да вот жаль — Кеммерер не любит заниматься составлением корреспонденций, к тому же и времени на такую работу нет.

Лунарский пришел в восторг. Он пристально разглядывал принесенный Кеммерером образец и беспрестанно повторял:

— Ах! Какая прелесть! Только подумать — на нашей земле такая прелесть!

Не успел Кеммерер распрощаться, как Лунарский Второй уже скрипел пером, составляя замет-

ку, которую в тот же день послал в столичный журнал «Северный муравей». В ней в частности говорилось: «Недавно, в нынешнем году, найдено случайно в дачах одного удельного имения Пермской губернии Осинского уезда совсем новое ископаемое травяно-зеленого цвета и довольно легкое, которое с первого взгляда было почтено медной рудой, почему и подвергли оное лабораторному испытанию, но желаемого королька не получили. В сие время случилось мне видеть сие проблематическое ископаемое; оно по наружным признакам показалось мне похожим на окисел хрома...»

Последняя фраза была вставлена для придания автору большого научного веса...

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

Волков прибыл в село неожиданно. Ефрем Кулаков после отъезда начальства беспробудно пьянствовал. В пьяном беспамятстве, ваяясь где попало, он причитал, что не сносить ему бедной головушки.

В тот вечер, когда приехал Волков, у Ефрема выдался просвет и он усиленно «лечился» огульным рассолом. Во время этой процедуры и застал его Афоня с ошеломляющим известием: «Управляющий обратно пожаловали».

Ефрем выбежал встречать начальника в чем был. Приглашая гостя в горницы, старался дышать в сторону. Отдав распоряжения об угощении, позвал Афоню и пошел с ним к колодезю. Здесь писарь вылил на раздевшегося до пояса «больного» пять больших бадей обжигающей колодезной воды. После такой операции голова почти полностью пришел в нормальное состояние.

Кулаков терялся в догадках — с какой целью управляющий так скоро приехал снова? Неужели немец проболтался...

Рано утром следующего дня Волков и Кулаков, взяв с собой четырех рабочих с лопатами и кайлами, отправились на месторождение. Волков пригласил Кулакова к себе в карету, рабочие и писарь ехали сзади на телеге.

Когда выехали за село, красный диск солнца едва поднимался над лесом. Зеленые сырые поляны лежали в тени и прохладе. Птицы в лесу начинали многоголосый концерт.

Волков откинулся на спинку сиденья и, полузакрыв глаза, с удовольствием вдыхал свежий воздух. Все эти дни из головы не выходили мысли о новом минерале. Волков знал, что добиться поставленной им цели будет нелегко. Сколько ценных открытий, сделанных русскими людьми, было похоронено приезжими учеными. Через некоторое время, однако, из-за границы приходила весть, что миру преподнесено новое выдающееся открытие. И никому было невдомек, что на самом-то деле это открытие украдено у русского умышленца, так и оставшегося неизвестным.

А сколько различных достижений науки приписывается иностранцам по той лишь причине, что о

них сообщено в каком-нибудь заграничном журнале, хотя до этого сведения о них публиковались в русской печати.

Волков предложил Перовскому назвать минерал в честь министра двора не потому, что был карьеристом. Нет. Принимался во внимание простой расчет — если связать название с именем человека, имеющего вес в государстве, то с большей уверенностью можно надеяться на успех разведок и изучения нового минерала.

Раздумья управляющего были прерваны словами Кулакова: «Приехали, ваше благородие».

Экипаж стоял у обрыва, где Кеммерер нашел небольшие прожилки зеленой охры. Выше по реке обрыв переходил в глубокий лог. Кое-где на свободных от травы плешинах из-под земляной осыпи выглядывал буровато-серый песчаник.

Волков подошел сначала к обрыву и, внимательно осмотрев его, поставил рабочих рыть канавы и штольни в глубь склона. После этого обследовал заросший мелким ельником крутобокий лог. Недалеко от устья лога нашел небольшую линзочку хромовой зелени. Здесь также поставил рабочего — сделать расчистку рыхлых пород, прикрывающих рудоносный песчаник. На всем протяжении довольно длинного лога ничего интересного обнаружить не удалось.

«Следует заложить несколько разведочных колодцев в верховьях лога», — подумал Волков. Позвав Кулакова, он предложил пройтись вдоль коренного берега реки. Может быть, зеленый минерал встретится еще где-нибудь. Ефрем начал настойчиво отговаривать управляющего, ссылаясь на обилие комаров. Волков однако не внял

уговорам и отправился в поход, пригласив и Кулакова, у которого растерянно забегали глаза.

Ефрем еще дорогой прикидывал, как ему поступить. За короткое время знакомства с Волковым он почувствовал, что управляющий не похож на обычных чиновников-хапуг и с ним каши не сваришь.

Произошло то, чего больше всего боялся жуликоватый голова: Волков, осматривая берега, заметил работающих у свежей насыпи людей.

Крестьяне на громадных и тяжелых носилках носили песок и правий из небольшого карьера, находящегося метрах в пятидесяти. Насыпь была еще не велика. Она начиналась у крутого склона и в виде снеговой катушки спускалась к реке. Кулаков поспешил пояснить:

— Общество порешило мельницу ставить, вот и нарядили мужичков.

— Мельницу? Так далеко от деревень? — удивился Волков.

— Место уж больно хорошее, — поспешил ответить Ефрем.

— А Серафимовская мельница у села на слом, что ли? — некстати спросил один из землекопов.

Кулаков сделал вид, что не слышал вопроса.

— С ямой окаянной намаялись, Ефрем Петрович. Ведь истинно прорва ненасытная — сыпем, а она проваливается. Еле одолели, — доложил прихрамывающий курносый мужичок, обутый в лапти на босу ногу.

— С ямой? С какой ямой? — рассеянно спросил Волков, вглядываясь в склон, на котором виднелись выступы коренной породы.

— Да камень здесь брали в старину на стройку, — с дрожью в голосе ответил Ефрем.

— Интересно! А не было ли в этой яме зеленого камня? — поинтересовался Волков.

— Да что вы с ними время тратите, ваше высокоблагородие. Чего они знают... А ну, чего рты поразевали, — заорал Кулаков на стоявших поблизости мужиков. — Разленились, кападьны!

Крестьяне поспешно отошли и принялись за работу.

— Я сам, ваше превосходительство, бывал в этой яме. Зеленых камней тут и в помине не было, — торопился объяснить Кулаков. — Тут чуть повыше есть обрывчик; может, там что есть...

— Не плохо бы здесь пробить несколько колодезцев, — задумчиво проговорил Волков, направляясь дальше вверх по реке.

Кулаков, приотстав, показал мужикам обросший рыжей щетиной кулак и потрусил вслед за управляющим.

Волков внимательно осмотрел склоны речки, но ничего примечательного не обнаружил. Только в одном обнажении бурого глинистого песчаника удалось найти окаменевшие остатки костей каких-то древних животных. Выдолбив один хороший обломок, по-видимому, челюсти давно вымершего хищника, он сделал в тетради наброски других частей скелета.

К вечеру Волков вернулся к оврагу, у устья которого велись горные работы, и стал внимательно осматривать очищенные от рыхлых наносов участки. Здесь удалось подсесть довольно большое количество мелких линз и гнезд хромовой охры. Но несмотря на это, Волков остался недоволен —

залежь все-таки была бедная и большого практического значения иметь не могла. Если на этом месте поставить рудник, стоимость каждого фунта сырья будет слишком велика.

Работы по исследованию месторождения продолжались восемь дней. За это время удалось набрать всего лишь двадцать фунтов ценной породы. Волков составил подробное описание обследованного участка. Оно начиналось характеристикой возвышенности, которую прорезал овраг. «Гора эта, — писал он, — обнажена с одного бока глубоким оврагом, изрытым стоком снеговых и дождевых вод; сей овраг, простираясь, от юго-востока к северо-западу, имеет глубину более 50 сажен». Далее говорилось о породах, слагающих гору. И лишь после этого начиналось описание ископаемого.

«Зеленая охра не составляет в горе правильного месторождения, но находится, так сказать, вкрапленной в прослоях песка гнездовыми прожилками, толщиной от 1 до 4 вершков и длиною от 0,25 и не более 0,75 аршина; гнездовые прожилки, суживаясь и расширяясь в своей объятности, или вовсе исчезают, или снова показываются».

О внешних свойствах нового минерала Волков сообщал следующее: «Вещество имеет излом раковистый и в больших кусках делится по длине на слои. Цвет его правяной, к луково-зеленому приближающийся; твердость имеет малую, хрупок, так что от слабого усилия руки и удара распадается на неопределенные, угловатые, черепковатые обломки; к осязанию жирен, свежий излом тускл, но от трения получается отблеск».

Волков внимательно рассматривал каждый вновь найденный кусок зеленого камня. Один из образцов, выпав из рук, булькнул в воду у самого берега. Волков нагнулся и протянул было руку, чтобы поднять его, и тут же с удивлением замер — порода, окунувшись в воду, мгновенно с шумом разлетелась на мелкие части. Со вторым, специально брошенным в воду куском охры произошло то же самое.

Вот, оказывается, где разгадка происшествия с ящиком, наполненным зеленой породой! Сильный дождь смочил охру, и она, расправившись на мелкие части и разбухнув, разломала прочный деревянный ящик.

По поводу этого свойства Волков написал: «В воде не растворяется, но куски опого, особенно же имеющие цвет травяно-зеленый, быв опущены в воду, поспешно и с треском распадаются на мелкие угловатые кусочки, на которые, по высушению оных, вода не имеет уже разрушительного действия; в сухом состоянии вещество всеми частями всасывает воду; как в свежем изломе, так особенно быв омочен водой, оно издает в первом случае слабый, а в последнем сильный запах глины».

Заканчивалось подробное описание указанием, где можно использовать вновь открытый минерал. «Существенная польза открытия минерала заключается в обогащении сведений науки новым ископаемым, доселе не известным; в технике же можно употреблять оный с выгодой, или в настоящем зеленом его цвете как краску».

Отмечая практическую ценность зеленого минерала, Волков знал, что открытого месторождения, конечно, далеко не достаточно для промышленных

разработок. Но чутьем опытного горняка он понимал, что поблизости обязательно должны быть другие, гораздо более крупные залежи. Породы, обнажающиеся по склонам реки, на всем протяжении были одни и те же. А это означало, что в них могут быть найдены новые скопления зеленой охры.

Волков возвращался в Пермь. Август подходил к концу. Темный лес, обступивший дорогу, подернулся желтоватой осенней проседью. С шумом проносились утиные стаи, собирающиеся лететь в дальние края. На поредевших опушках кое-где пламенели листья ясеня и гроздья рябины. Ехав после заката в легкой летней одежде было холодно, приходилось с вечера устраиваться на ночлег в крестьянских избах, где лютовали клопы и блохи.

Волков не сомневался, что результаты анализа нового минерала уже прибыли из Екатеринбурга. Он собирался, приехав в Пермь, быстро закончить неосложненные дела и, не мешкая, отправиться в столицу. Не терпелось более основательно продолжить поисковые работы. Ему думалось, что после преподнесения минерала светлейшему без труда удастся добиться согласия на расширение разведочных работ на землях Частинского приказа. Нужно будет прощупать весь левый склон до самых верховий, а также обследовать многочисленные лога и овраги.

Пермь встретила нудным морозящим дождем, сильным северным ветром, непролазной грязью и отсутствием вестей из Екатеринбурга.

На душе у Волкова было тягостно. Неумолимо приближался день торжества, а подарок князю не был готов. Всегда спокойный, управляющий стал нервным и раздражительным. Его злило какое-то показное равнодушие Людвига Францевича, у которого иногда проскальзывала и неумело скрываемая радость по поводу задержки материалов из Екатеринбурга.

Начался сентябрь. Волков написал в химическую лабораторию несколько писем. И вот наконец пришел пакет. Но радости он не принес — лаборатория горных и соляных дел сгорела со всем имуществом, образцами и химическими растворами. Сообщались лишь предварительные данные анализа, которые были получены до пожара.

Пришлось посылать новую пробу и терпеливо ожидать результатов. Перовский же требовал как можно быстрее высылать описание месторождения, образцы и результаты химических анализов. Чтобы как-то успокоить нетерпеливое начальство, управляющий послал в столицу образцы и описание месторождения, а также предварительные сведения о составе минерала.

В середине октября, когда Волков совсем потерял все надежды, из Екатеринбурга пришел долгожданный ответ. Времени оставалось в обрез. Торжества в честь пятидесятилетия Волкоисского намечены были на 1 ноября. На лошадях по осенней дороге за такой короткий срок до столицы добраться не так-то просто. Правда, у Волкова все было готово к отъезду.

Кеммерер за несколько дней перед этим увидел в сороковом номере газеты «Северный муравей» заметку Лунарского Второго о зеленой охре. Ему

хотелось охладить пыл Волкова неприятным сообщением. Но прямо сказать о замечке Кеммерер побоялся, и он решил положить газету на стол управляющего, рассчитывая, что тот заметит сообщение и прочтет. Однако Волков в суете так и не нашел времени для накопившейся корреспонденции.

Через два дня после отъезда Волкова в адрес Пермской удельной конторы пришло письмо от Перовского, которое Людвиг Францевич не замедлил распечатать. Прочитав письмо, Кеммерер пришел в восторг и даже начал приплясывать, не обращая внимания на сидящих здесь же в конторе писарей.

Радоваться было чему! Перовский прубо отчитывал Волкова за нерасторопность, а больше всего за болтливость. «Не могу при случае не заметить вам медлительность, с каковою получаются мною нужные по сей части сведения, — говорилось в послании. — Примером сему может, во-первых, служить то, что описание вновь открытого минерала доставлено вами тогда, когда известие о сем было написано в одной из здешних газет, а именно в «Северном муравье». Далее говорилось, что «поскольку ради большого и важного дела не было приложено сколько требовалось усердия и старания и задуманное из-за нерадения лиц к сему делу причастных перестало быть приятной для их светлости новостью, предписываю все хлопоты окончить и делу условленного движения не давать».

Кеммерер быстро составил план дальнейших действий. Догнать спешившего в столицу Волкова он, конечно, не мог. Но эта задача представляла превосходный повод для немедленного выезда в

Петербург, о чем только и мечтал все последнее время Людвиг Францевич. Под шумок, очевидно, не составит особого труда оформить купчую на землю. А тогда легко можно выхлопотать патент на открытие рудника и небольшого заводика по выделыванию минеральной краски. Придется кое-где «подмазать», но зато уж после этого можно будет безо всякой опаски возвращаться на Каму и всерьез начинать предприятие, ради которого он приехал в эту чужую, азиатскую страну.

В Петербург Волков приехал ранним холодным и туманным утром. Бросив вещи в гостинице, поспешил в департамент уделов. Угрюмое серое здание департамента сонно глядело на Неву черными окнами.

Когда Волков вошел в просторный кабинет, Перовский не спеша вышел из-за стола, покрытого ярко-зеленым сукном, и, заложив руки за спину, с иронической усмешкой уставился на приезжего.

— Вы получили мое последнее указание? — строго спросил Перовский в ответ на приветствие.

— В последние дни от вашего высочества было получено несколько писем. О каком изволите спрашивать?

— О том, в котором я вполне заслуженно отчитывал вас за нерасторопность и приказывал прекратить все дела с новым минералом, — все более раздражаясь, проговорил Перовский.

Волков недоуменно и растерянно смотрел на начальника.

— Да вы, милейший, с луны, что ли, свалились? Вот это вам приходилось читать? — презрительно

улыбаясь, проговорил Перовский, подавая вчетверо свернутую газету, в которой несколько строк были жирно подчеркнуты красным карандашом.

Волков быстро пробежал эти строчки и обомлел. Стало ясно, что идея, которую он вынашивал в течение нескольких месяцев, неожиданно провалилась. А он-то, как мальчишка, уже предвкушал радость победы! Поблудневший Волков стоял с понуренной головой, сильно закусив губу.

— Вот про это я и писал, — с прежней строгостью проговорил Перовский. — Да вы что, и в самом деле не читали статьи этого выскочки? — более спокойно произнес он, видя, как сильно поразила собеседника газетная заметка. — Ну что ж, это, пожалуй, и к лучшему. Я передумал, вернее, меня успокоили знающие люди. Здесь, как видите, не приводится никакого названия описываемого минерала, а это, милейший, весьма существенно. — И уже совсем примирительно спросил: — Как вас угораздило разболтать?

— Я имел разговор об этом предмете только со своим помощником Кеммерером...

— Ха-ха-ха, — закатился в веселом хохоте Перовский. — Ну, милейший, и уморили же вы меня. Да вы совсем еще наивный ребенок! Разве можно какие-нибудь секреты доверять немцам? Я уверен, что о нашем минерале сейчас уже вся Европа знает. Однако я все же решаюсь сделать подношение светлейшему. Он будет в восторге от такого подарка. Ну, а если впоследствии и возникнут какие-нибудь недоразумения с этими чересчур учеными и пройдошными иноземцами, князя это уже касаться не будет. Не так ли?

Перовский взял со стола незапечатанный голубой конверт, обрамленный позолотой, и подал его Волкову.

— Вот вам пригласительный билет на завтрашний церемониал у князя. А сейчас пойдите в канцелярию и помогите оформить все документы. Реестр анализов, я надеюсь, вы привезли наконец? Ну, перестаньте киснуть, я на вас больше не сержусь. Идите.

На следующий день, 1 ноября 1830 года, на торжественном обеде в честь дня рождения князя Волконского среди многочисленных поздравлений и подарков имениннику было вручено описание нового минерала и в шкатулке из уральского хрусталя с золотой отделкой — кусок зеленого камня, добытого на Прикамской земле. Перовский, передав подарок, попросил позволения назвать не известный доселе минерал именем князя — волконскоит.

Тучный и преждевременно обрюзгший именинник поднял с колен своего подчиненного и, дружески обняв его, принял оригинальный подарок.

— Тронут, дорогой Лев Александрович, — сказал он Перовскому. — Тронут и, конечно, согласен дать свое имя русскому камню. Тебе же в столь знаменательный для меня день обещаю исхлопотать сенаторское звание и двадцатилетнюю аренду в семь тысяч рублей ассигнациями. Ну, полно, полно... — стараясь освободить свою руку, которую целовал обрадованный вице-президент, закончил Волконский.

Волков тоже несказанно радовался удачному завершению задуманного им предприятия. И как было не радоваться. Он содействовал рождению нового

минерала — минерала, найденного на его родной земле!

Для через два после торжеств Волков вновь пришел к вице-президенту. На этот раз Перовский принял его не так скоро, пришлось полдня околачиваться в коридорах департамента.

Волков развернул было перед вице-президентом планы всестороннего изучения волконскоита и начал перечислять мероприятия, которые следовало бы незамедлительно предпринять для быстрейшего освоения нового минерала. На первый случай требовалось не более десяти тысяч рублей, которые, несомненно, впоследствии окупятся.

Сенатор слушал с явным нетерпением и без всякого внимания. Волков не мог понять причину такой перемены. Человек, у которого недавно при разговоре о новом минерале страстно загорались глаза, сейчас неизвестно почему относился к волконскоиту абсолютно равнодушно.

— Сейчас не время заниматься вашим камнем. Есть дела куда важнее, — сухо и отрывисто сказал Перовский. — Пермскую контору за ненужностью решено немедленно закрыть. Вам предлагаю ехать в Оренбург на новые медные рудники. Условия те же. Воля ваша, как хотите...

Егор с четырьмя товарищами сидел засадой в густом кустарнике поблизости от тракта. Избранное ими место находилось на возвышенности, и из кустов просматривалась дорога, в обе стороны уходящая вниз.

Вот уже два месяца находился Егор в ватаге Ильи Колокольцева, состоящей из трех десятков

мужиков разного возраста и разных национальностей. Одно было общее: за каждым числилось что-нибудь такое, за что царские власти охотно приняли бы на казенные харчи с бесплатным пригласением. Колокольцев со своими молодцами промышлял в основном по дорогам, подстергая богатые экипажи и освобождая пассажиров от денег и ценных вещей. Среди бедного люда ватажники не баювались и, видимо, по этой причине были неуловимы, как ни старались губернские власти.

Для Егора сегодняшний день был необычным. Впервые молодому парню доверили идти «кореным», старшим в пятерке. Одет Егор был в исправный желтый полушубок, отделанный черной овечьей шкуркой, и в белую заячью папаху, надвинутую на самый нос. Лицо выражало суровость, во всей позе чувствовалась значительность и вместе с тем скованность. Егор не мог свыкнуться с ролью главного среди товарищей, которые были старше его.

Жизнь в ватаге пришлась Егору по душе. Он совершенно спокойно чувствовал себя в любых переделках. Колокольцев сразу же подметил в парне лихость, бесстрашие, незаурядную силу и приблизил его.

Справа, со стороны Перми, на дороге показалась карета, запряженная четверкой лошадей. Она была еще очень далеко и стала видна лишь тогда, когда въехала на одну из возвышенностей. Скоро, блеснув черным кожаным боком, карета скрылась на спуске.

Мужики зашевелились, немного расползлись по сторонам и вновь притаились, ожидая.

В сыроватом и холодном осеннем воздухе послышалось наконец цоканье копыт и тарахтенье колес.

Выбежав из-за поворота, лошади начали подниматься в гору и перешли с бойкой рыси на тяжелый шаг. Засада специально устраивалась в таком месте, где подстерегаемые повозки преодолевали изнурительный для лошадей подъем.

— Как гукну, Иван с Максимом — к лошадям, а остальные — встречать господ, — отрывисто командовал Егор и потянул из-за пазухи холодный и тяжелый пистолет. Вынул, сосредоточенно поглядел на него, затем решительно сунул обратно. Вздохнув, привычно и ловко вскинул вынутый из-за пояса плотницкий топор.

Лошади приближались, слышалось их громкое дыхание и фыркание. Когда передняя пара поравнялась с тем местом, где притаились ватажники, Егор, негромко крикнув: «Айда, ребята!» — бросился напрямик к медленно движущейся карете. В глубине ее сидели два пассажира. У ближнего на коленях стоял чугунный ларец.

Егор не успел как следует разглядеть лиц, но сразу сообразил, что главным пассажиром является человек с ларцем. Протянув левую руку — правая сжимала топор, — коренной рванул тяжелый ларец к себе.

— Вас ист дас? Что ви делайт! Не смейт нас трэгайт! Я не ест русский купец, я ест немецкий подданный, я служу сам царь! Прочь! — истошно закричал пассажир, державший ларец.

— А-а! Старый знакомый! Гут так, барин, — продолжая тянуть ларец, со злой веселостью процедил сквозь зубы Егор.

— Ты знайт меня — я большой человек. Отпустит нас, шнель, — узнавая парня, затараторил трясущийся от страха Кеммерер.

— Езжай к своему царю с богом, только позволю-
ка сюда шкатулочку, — с этими словами коренной
рванул ларец.

Немец, расставшись с драгоценной поклажей,
оглушительно завизжал и, выдернув из кармана
пистолет, в упор выстрелил в оскалившегося парня.

Егору обдало жаром лицо, и что-то сильно толк-
нуло его в левое плечо.

— Ах ты нехристь! — сквозь сжатые от боли зубы
простонал он и медленно осел на промерзшую
землю...

Подоспевшие ватажники вытащили обоих пасса-
жиров, учинили над ними расправу и лишь после
этого кинулись помогать смертельно раненому ко-
ренному.

Получив образцы зеленого вещества, петербург-
ский брат Людвига Кеммерера — Август Кеммерер
не преминул напечатать сообщение о новом зеленом
камне в немецком журнале. Этого было достаточно,
чтобы он оказался «первооткрывателем» минерала.
И это несмотря на то, что в нескольких русских
журналах еще раньше появились статьи, подробно
описывающие вновь открытый минерал. Так было
велико преклонение перед всем иностранным!
В труде одного тогдашнего русского академика,
вышедшем лет через десять после описываемых
событий, говорилось, что «первые сведения об этом
минерале сообщены были Кеммерером А. Ф.» и
далее: «Название дано минералу господином глав-
ным аптекарем Кеммерером А. Ф. в честь фельд-
маршала светлейшего князя П. М. Волконского...»

И только сто лет спустя пермскими геологами Н. А. Игнатьевым и И. В. Беленьковым была восстановлена историческая справедливость...

ТАИНА СТАРОГО ПРУДА

Пароход, на котором Андрей Волошин сшел на место нового назначения, прибыл в Частые поздно ночью. До деревни, где находилась разведочная партия, нужно было ехать на лошадях еще километров двадцать. В темноте на берегу Камы скоро удалось найти попутную подводку.

Возница оказался из неразговорчивых. Он лишь беспрестанно дергал вожжи и причмокивал губами, подбадривая лошадь. Но несмотря на его старания, телега двигалась медленно, переваливаясь из одной ухабины в другую. Волошин сидел на краю телеги, свесив ноги. Глаза скоро привыкли к темноте, и он стал рассматривать тянущиеся по сторонам причудливые силуэты кустов.

Голова была занята мыслями о предстоящих поисках волконскоита. Он уже не раз принимался ругать себя за выступление на совещании. Получилось, что напросился на новое место, опорочив при этом товарища. А ведь хотелось просто сказать

о необходимости улучшения работ. Каждому присутствующему на совещании было ясно, что поиски волконскоита велись из рук вон плохо. Кто-то же должен был заявить это вслух. Но где уверенность, что у него получится лучше, чем у Мерзлякова? А что если месторождения волконскоита этим летом так и не будут найдены? Возможно, потребуются дополнительный год полевых работ... Согласится ли на это Ухтинский... И как обычно случалось у Андрея, гнетущие мысли сменились у него твердой уверенностью в успехе. И на заседании вел себя совершенно правильно. Если бы не выступил, то просто смалодушничал бы и теперь презирал бы себя за «дипломатическую» трусость.

За мыслями не заметил, как въехали в деревню, завернули в проулок и остановились у дома с темными окнами.

— Здесь квартируют геологи, — произнес молчавший всю дорогу кучер, сделав ударение на последнем слове непривычного слова.

Не успел пассажир соскочить с телеги, как она рванулась и загрохотала по засохшей дороге.

Андрей еле схватил свой мешок. Удивленный неожиданной прытью лошади, Волошин подошел к крепким тесовым воротам и постучался.

Встретила ночного гостя пожилая женщина в шали, накинутой прямо на длинную ночную рубашку. Узнав, кто приезжий, она зажгла керосиновую лампу и начала было хлопотать об ужине. Но Волошин категорически отказался от еды и спросил о квартирантах.

— А они тебя, милый, только завтра ждут. Лида ушла к фельдшернице ночевать, а парень на сеновале спит. Каждое утро его вилами промеж стрех

бужу. Лихой он на спанье, — тихо засмеявшись, ответила хозяйка.

Проснулся Андрей, когда в окне еле брезжил синеватый предутренний свет. Стараясь не шуметь, сполз с высоких полатей. Долго возился около дверей, отыскивая многочисленные засовы и крючки. Выйдя в крытый со всех сторон двор, разыскал калитку и попал через нее на большой огород. Умылся ледяной колодезной водой, вышел по еле приметной тропинке в поле и направился к речке.

Перейдя речку вброд, он медленно зашагал вдоль обрывистого берега по сырой от утренней росы траве. Склон во многих местах был изрыт разведочными канавами и штольнями. Волошин переходил от одной ямы к другой, внимательно всматривался в породу. Его мучил вопрос — с чего начать? Сейчас ему предстоит первая встреча с работниками партии.

Они, конечно, ждут от нового начальника каких-то решительных действий. А ему пока нечего предложить. Многое еще нужно взвесить и проверить здесь на месте, прежде чем можно будет решить вопрос о методике работ.

Раздумывая, Волошин незаметно прошел километра три. Давно уже за холмами скрылась деревня, солнце начало припекать. За поворотом показался мостик в виде бревна, переброшенного с одного берега на другой. Держась за перила, сделанные из тонкой и гладкой жерди, Волошин перешел на правый берег и напрямик, через бугор, зашагал к деревне.

Первый разговор с молодым инженером-геологом Вишняковой и коллектором Трехиным оказался трудным. Не очень-то приветливо встретили они

нового руководителя. Вишнякова сразу же заявила, что она согласна с мнением Мерзлякова о бесплезности дальнейших поисков волконскоита. Более того, она категорически настаивала на откомандировании ее из партии. Трехин старался отмалчиваться, но было видно, что и он не разделяет оптимизма Волошина. Нелегко пришлось Андрею. В первый день так ни о чем и не договорились, — решили дополнительно все обдумать и взвесить.

Андрей постарался сразу же включить всех в напряженную работу. После ознакомления с делами составил план работ. Вставали вместе с солнцем. Такая перестройка трудно давалась Трехину, которого приходилось будить общими усилиями. С поля возвращались поздно вечером и сразу же разбирали собранные за день образцы, делали записи и оформляли документы. Дня через три после первой встречи собрались поговорить снова.

И на этот раз разговор вначале не клеился. Не обращая внимания на пассивность собеседников, Волошин стал откровенно делиться своими мыслями и сомнениями. Как-то незаметно разговорились и остальные, а через полчаса они словно переродились — каждый горячо и настойчиво отстаивал свои предложения. Андрей понял, что лед тронулся и теперь можно по-настоящему взяться за работу.

После долгих и жарких споров решили искать волконскит двумя способами.

Первый заключался в следующем. Из всех естественных обнажений и горных выработок следует отобрать пробы пород. В спектральной лаборатории в каждой пробе определяют количество хрома — основной составной части волконскоита. Данные таких исследований нужно будет нанести на план

и посмотреть, в каком направлении количество хрома в породах увеличивается. В этом направлении и продолжить поиски крупных залежей при помощи разведочных шурфов и канав. При этом договорились отбирать пробы не только на участке, где работы велись до сих пор, но и в соседних районах. Детали этого способа были разработаны Волошиным.

Второй метод предложила Вишнякова. Наблюдая за прожилками волконскоита в породах, она заметила, что они всегда встречаются в крупнозернистом песчанике или конгломерате. Эти породы состояли из наклонных слоев, которые могли возникнуть только в руслах древних рек. Возникла мысль: если волконскоит приурочен к речным потокам прошлого, то не зависит ли величина залежей от размеров таких потоков? Если высказанное предположение справедливо, нужно искать крупные русла древних рек, что не так уж трудно, так как все мелкие потоки, соединяясь друг с другом, в конце концов превращаются в многоводные артерии. Следуя за отложениями небольших рек с бедными залежами волконскоита, можно добраться и до крупных месторождений.

Прослеживая древние потоки Вишнякова предложила так. В каждом пункте, где будет встречена наклонная слоистость, нужно сделать замеры ориентировки косых слоев. Геологам уже давно известно, что образующиеся в речных руслах косые слои всегда наклонены по течению. Определив таким способом преобладающее направление наклонов косых слоев во многих местах, можно будет довольно легко установить, куда текли ручейки и реки двести миллионов лет тому назад, и в конце

концов отыскать самую крупную реку, в которую все небольшие потоки впадали.

Откровенный обмен мнениями не пропал даром — все работали дружно и с огоньком. Быстро собрали пробы и отослали в лабораторию. Хуже дело обстояло с прослеживанием древних русел. Многие десятки замеров ориентировки косых слоев, которые требовалось делать в каждом пункте, отнимали уйму времени, и эта часть работы грозила затянуться. А хотелось закончить ее ко времени получения результатов спектральных анализов, которые обещали сделать очень быстро.

Неожиданно пришла помощь со стороны. Местный школьный кружок геологов-следопытов под звучным названием «Алмаз» предложил свои услуги. В связи с проведением областного молодежного геологического похода в районе возникло несколько таких кружков. Все они назывались «Алмазами» и имели порядковый номер. Отряд «Алмаз-7», который обратился в разведочную партию, состоял из двенадцати ребят и девочек — учащихся 6—8 классов. Это оказалось как нельзя кстати. Дюжина любознательных и пытливых помощников — не шуточное дело!

Вишнякова за один день научила юных следопытов замерять ориентировку наклонных слоев в обнажениях. Работа стала подвигаться утроенными темпами и была закончена за несколько дней до получения анализов.

Вишнякова, обрабатывавшая данные полевых наблюдений, ежедневно наносила полученные ею результаты на свою карту, которую никому не показывала, несмотря на настойчивые просьбы Волошина и Трехина. «Вот кончим всю работу

с замерами, тогда и покажу»,—отговаривалась она. По приподнятому настроению девушки Андрей догадывался, что у нее получается что-то интересное, и терпеливо ждал, когда она откроет тайну.

Но вот изучение следов древних рек закончилось. Вечером после ужина Вишнякова пригласила своих товарищей к рабочему столу, где уже была разостлана какая-то схема, вычерченная ею. Волошин пригляделся повнимательнее и понял, что перед ним карта древних потоков.

Вначале показалось, что стрелки диаграмм, указывающих направления течения древних рек, ошестинились во все стороны. Но это было не так. Большинство из них нацелилось на северо-запад. Группы диаграмм объединялись контурами речек, сходящихся где-то за пределами разведываемого участка.

— Да вы же настоящая чародейка, Лидия Николаевна! — воскликнул Волошин. — Ведь мы почти у цели! Ну зачем вы нас столько мучили? По правде говоря, не ожидал, что получится такой ошутимый результат.

Вишнякова, смущенная неожиданным успехом, пояснила, что все выявленные ими древние потоки вели к мельнице у плотины, что километрах в восьми от центра основного участка работ. Она предложила завтра же направить туда три проходческие бригады. С трудом Волошину удалось уговорить помощницу повременить с пробивкой шурфов у мельницы два дня.

Наконец пришли и результаты спектральных анализов. С каким трепетом распечатывал Андрей плотный желтый пакет! Бегло просмотрев тройные ряды цифр, он передал листы Трехину и попросил

его побыстрее нанести полученные данные на карту, подробно объяснив, как это сделать. Сам, волнуясь, ушел в поле — хотелось, чтобы все построенная на карте проделал более беспристрастный человек.

Андрей решил еще раз осмотреть крупные обнажения по реке, чтобы удостовериться в правильности выводов, полученных Вишняковой. Часа через два, осматривая с увала окрестность, он увидел, что напрямик по глубокой пахоте к нему бежит какой-то человек, и догадался, что это Трехин. «Неужели удача?» — подумал Волошин, с нетерпением ожидая приближения коллектора.

— Победа! Победа, Андрей Михайлович, — услышал он наконец радостные возгласы запыхавшегося Трехина.

От этих слов какая-то теплая волна поднялась к голове. Ничего не соображая, он стоял и улыбался, смотря на подбегавшего товарища.

То, что данные спектральных исследований совпали со схемой, построенной Вишняковой, привело всех в неописуемый восторг. Оказалось, что и содержание хрома в породах возрастает в северо-западном направлении.

Обследовали местность у мельницы с плотиной, где решено было вести дальнейшую разведку. Справа и слева возвышались высокие и крутые склоны. У плотины они близко подходили друг к другу. В верхней части склона имелось несколько небольших обнажений, но характер их пока не обещал ничего хорошего. Это были не песчаники и конгломераты, а сильно глинистые породы, в которых волконскоит никогда не встречается.

Трехин, да и Вишнякова, после осмотра обнажений приуныли, хотя и пытались скрыть это от окружающих. Заметив перемену в настроении друзей, Волошин подбодрил их, призывая не отчаиваться и дожидаться, что покажет шурфование.

Все бригады проходчиков разместили на склонах у мельницы. Геологи ни на минуту не отходили от шурфов и с нетерпением ожидали появления песчано-конгломератовых пород, в которых можно было встретить желанный зеленый минерал. Но во всех шурфах, как назло, шла только каменистая глина. А тут еще «алмазовцы» не давали покоя своими бесчисленными вопросами.

И вот наконец в нижних шурфах появились зеленовато-серые крупнозернистые песчаники. Геологи то и дело спускались в шурфы, боясь пропустить момент появления волконскоита. Этим они сильно мешали рабочим, но ничего не могли с собой поделать. Первую прожилку волконскоита заметили все же не они, а один из молодых забойщиков. Правда, прожилка была почти микроскопическая, но для томившихся долгим ожиданием геологов и она явилась наградой. Самочувствие сразу же у всех резко изменилось, на лицах засияли широкие радостные улыбки. Но...

Как это довольно часто бывает, радость оказалась преждевременной. В шурфах появилась вода. Забойщики пытались было отчерпывать ее ковшами, да куда там... Воды оказалось так много, что не помогли и ручные насосы. Что делать? Оказывается, забои шурфов дошли до уровня мельничного пруда. Механических насосов в партии не было, да и они вряд ли смогли бы помочь. Ведь нужно было вычерпать весь пруд, так как по тре-

щинам и порам он соединялся с подземными водами, встреченными в шурфах. И это несчастье произошло как раз в тот момент, когда вот-вот должны были появиться крупные скопления волконскоита...

«Алмазовцы» все время крутились здесь же. Когда геологи начали совещаться о том, что следует предпринять для борьбы с водой, самый маленький и юркий следопыт несмело предложил: «А что если пруд спустить совсем?»

И на самом деле! Конечно, нужно спустить воду из пруда! Ее уровень и под землей понизится не менее чем на пять метров! Как они раньше не могли додуматься до такой простой вещи? Выяснилось, что временами пруд спускают для очистки дна.

Волошин сходил в правление колхоза и, объяснив положение, попросил помощи. Правленцы, посоветовавшись, согласились спустить часть воды, оставив лишь необходимое количество для сохранения рыбы.

Через день рабочие вновь приступили к проходке нижних шурфов. Большую часть времени геологи находились у шурфа, в котором накануне встретили небольшую зеленую прожилку. Шурф углубился уже на шесть метров. Воды заметно прибавилось, но все же забойщику приходилось работать по щиколотку в воде. Геологи тщательно просматривали выброшенную мокрую породу, боясь пропустить хотя бы крошку волконскоита. Но больше ничего не попадалось.

В сторонке на травянистом склоне тесной кучкой сидели «алмазовцы». Им тоже хотелось порыться вместе с геологами, но они не решались мешать взрослым.

Солнце перевалило через зенит. Трехин первым перестал рыться в породе и устало сел на ящик, заботливо кем-то принесенный для ожидаемого волконскоита. Волошин и Вишнякова, тоже уставшие за день, продолжали внимательно просматривать кусочки поднятого из забоя песчаника. Было заметно однако, что и у них энтузиазма поубавилось. Кто-то предложил сходить пообедать...

— Нашальник! Иди на минутка — какой чудо попал! — позвал работавший у крайнего дальнего шурфа татарин Галимов.

Все поглядели в его сторону, а он стоял на отвале и размахивал поднятой рукой, в которой держал что-то темное.

— Зеленое бревно в мой шурфа лежит! Айда глядеть!

Волошин, не помня себя, рванулся к Галимову и, еще не добежав до улыбающегося забойщика, понял, что в руках рабочего громадный кусище волконскоита.

Он крепко обнял жилистого, словно сделанного из проволоки, Галимова и, приподняв его, начал неистово крутиться вместе с ним.

Подбежали остальные — Вишнякова, Трехин, рабочие, юные следопыты; они окружили Волошина и Галимова, поздравляли счастливого забойщика и друг друга.

В шурфе действительно оказалось целое окаменелое бревно, сплошь пропитанное волконскоитовым веществом. Диаметр его доходил до полуметра! Кроме того, на дне шурфа из рыжевато-песчанника то здесь, то там проглядывали другие крупные оруденелые куски. Сомнений быть не могло — это был «большой волконскоит».

Волошин, тщательно обследовавший забой, обнаружил старый нож с медной ручкой, покрытой зеленой окисью. Откуда он мог здесь появиться? Дальнейший осмотр шурфа показал, что здесь была какая-то древняя подземная выработка, по всей вероятности, старая штольня.

Выходило, что встреченная ими богатейшая залежь волконскоита была уже давно известна. Вот это сюрприз!

Андрей заметил какие-то углубления на ручке найденного ножа. Соскоблив толстую зеленую корку, удалось прочитать два слова: «Егор Бормант»...

Поздно ночью, когда в доме все затихло, Андрей сел писать Ухтинскому. Положив перед собой чистые листы бумаги, задумался, наблюдая за игрой желтоватого пламени керосиновой лампы.

На дворе уже пропели петухи, но чувствовал он себя бодро. Слова легко ложились на бумагу, и через полчаса письмо в трест было готово. В нем говорилось, что подсеченные шурфами крупные залежи волконскоита дают право надеяться на довольно большое рудное поле и что наша красочная промышленность может быть полностью обеспечена ценным сырьем.

Вместе с этим Волошин высказывал опасение, что запасы волконскоита, месторождения которого до сих пор нигде в мире не были встречены, могут быть нерационально использованы на второстепенные местные нужды. Собранные в последнее время материалы показали, что волконскоит встречается на площади, не превышающей двух-трех квадратных километров. Залежи его приурочены

только к неширокой полосе древних потоков, идущей с Урала через город Осу в сторону Кирова. В удалении от этой полосы волконскоит постепенно исчезает. Наиболее значительные залежи встречаются в восточных частях этой полосы. Дело в том, что хром приносился когда-то с Уральских гор и поэтому, чем дальше от Урала, тем меньше его в породах, тем беднее волконскоитовые залежи. К сожалению, восточнее пристани Частые толща, в которой встречается волконскоит, совершенно отсутствует. Она размыта современными реками, а вместе с нею уничтожены когда-то существовавшие здесь богатейшие волконскоитовые скопления.

Никаких надежд на отыскание где-то в Прикамье новых волконскоитовых зон нет. Поэтому Волошин в письме к Ухтинскому предлагал по-хозяйски отнестись к найденным залежам. В связи с этим поиски, разведку и особенно добычу этого редкого минерала необходимо поставить под строгий государственный контроль.

Совершенно необходимо также оставить невыработанными несколько наиболее характерных месторождений уникального минерала в качестве памятников природы, обеспечив их надежную сохранность. Полезно также провести дальнейшее исследование свойств волконскоита, в целях поисков новых путей его применения...

Кончалось лето. Партия Волошина, с честью выполнив нелегкую задачу, возвращалась в Пермь. На открытом месторождении полным ходом шла добыча волконскоита для отправки на фабрики Москвы и Ленинграда.

Пароход отошел от пристани под вечер. Волошин стоял на корме и с легкой прустью смотрел на уда-

ляющийся берег, прощаясь с лесистыми увалами и пестрыми полями, ставшими какими-то родными. Солнце только-только скрылось за горизонтом, и казалось: там, за горой, насыпана большая куча раскаленных углей, ярко-оранжевый свет которых освещал все вокруг.

За парходом тянулся след блестящих огненных искр. Андрею подумалось, что это его дорога в будущее. Будущее... Андрей уже знал, что ему предстоит искать железную руду на востоке области. Ну что ж. Можно и там приложить энергию. Он готов вновь отдаться целиком новому и пока еще мало известному делу. Именно целиком! Андрей твердо верил, что только при таком условии можно надеяться на успех.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Трудное задание . . .	5
Побег с рудника . . .	12
Неожиданная находка . . .	21
Хитрость Людвига Кеммерера . . .	35
Оригинальный подарок . . .	51
Тайна старого пруда . . .	68

Николай Исакович Чернышев.
НАХОДКА БЕГЛОГО РУДОКОПА

Редактор *А. М. Граевский.*
Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический
редактор *К. Г. Сукманова.*
Корректор *М. Ф. Кузьмичев.*

* * *

Подписано к печати 24/VIII 1961 г.
Формат 70×108 1/32 1,31 б. л.
2,62 п. л. (ус.-прив. 3,6) Уч.-изд. 3,02 л.
ЛБ00752 Тираж 50 000 экз. Цена 9 к.

* * *

2-я книжная типография
облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистиче-
ская, 57. Заказ 1303.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека путешествий и приключений

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь.** Цена 6 коп.

Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных
идолов.** Цена 12 коп.

Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня.** Цена 8 коп.

Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники.** Цена
11 коп.

Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях.** Цена
13 коп.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый.**

Выпуск 7. А. Соколов. **Пламя над тайгой.**

Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабирин-
тах страны Карст.**

Выпуск 10. А. Граевский. **На север!**

Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток.**